

ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ

Влад Поляков

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Влад Поляков
Безликий. Возрождение
Серия «Фэнтези-магия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39288348
Безликий: Возрождение / Влад Поляков: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112025-2

Аннотация

Смерть – конец пути? Далеко не всегда, если ты посвящен в тайны древних магов. Порой даже после гибели тела дух, жаждущий мести, остается в нашем мире. Именно так и случилось с Безликим – магом, владеющим силой проникать в глубины человеческого подсознания, воплощать в реальность самые потаенные кошмары. Теперь у него две цели: отомстить своим убийцам и заодно найти новое вместилище для своей души.

Содержание

Часть первая. Архитектор кошмаров	5
Глава 1. Смерть – это только начало	5
Глава 2. Проклятый монастырь	19
Глава 3. Перекрестки иллюзорного бытия	49
Глава 4. Кладбищенские пляски	60
Глава 5. Грани нереальности	76
Глава 6. Путь смерти	89
Глава 7. Ведро помоев, или Досье на местных авторитетов	99
Глава 8. Второй виток спирали	117
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Влад Поляков

Безликий: Возрождение

© Влад Поляков, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Часть первая.

Архитектор кошмаров

Глава 1. Смерть – это только начало

Ночь. Время, когда вся красота окружающего мира проявляется в новом, совершенно отличном от дневного виде, преломляя привычные нам образы, придавая им новые оттенки. К сожалению, немногие способны полностью осознать и принять ее неповторимую суть, оценить блеск ее идеальных граней, вспыхивающих черным – цветом мудрости и сокровенного знания, по ошибке считаемого символом смерти. Большинство людей боятся отсутствия дневного света, им чудятся кошмары в переплетении теней, пляшущих в мистическом лунном свете. Глупцы, ведь ночь всего лишь отражает наш внутренний мир, так кто же виноват, что их души наполнены вечным страхом и ожиданием смерти! Наполняя свое сознание и подсознание кошмарами и фантазмагориями, люди не понимают главное – их самое сокровенное всего лишь нечто вроде нитей, дергая за которые можно управлять людьми, их страхами и комплексами. Один из тех, кто умел это делать, и появился душной летней ночью поблизости от древнего монастыря.

Его имя было никому не ведомо. Помнил ли он сам его, нуждался ли в этом наборе звуков, столь редко совпадающем с отражением нашего истинного облика? Кто знает, возможно, и нет, за многие и многие годы привыкнув к так хорошо характеризующему прозвищу – Безликий. Союзники и очень немногочисленные друзья произносили это слово с уважением, многочисленные враги осмеливались упоминать о нем, лишь будучи полностью уверенными в собственной безопасности. Могущество этого странного мага было основано не на явных проявлениях силы, не на боевых заклятиях и сонме демонов-союзников – оно было гораздо тоньше... и опаснее.

Глубины человеческого разума, такого хрупкого, неустойчивого к малейшему вмешательству со стороны, и в то же время способного на решение сложнейших задач, стали основным источником его силы. Читая сознание человека как хорошо знакомую книгу, Безликий был способен брать отсюда все, что требовалось в данный момент, вплоть до самого дна – инстинктивных подсознательных восприятий окружающей действительности. Немногие среди ныне живущих знали, что в пространстве человеческих снов можно жить почти так же, как и в реальном мире. Безликий совершенствовал это изощренное искусство с самого момента выхода из ученичества, и сам не мог сказать, где он чувствует себя более комфортно: здесь, или в ирреальности по ту сторону сознания.

Скорее всего, эти два отображения мира гармонично до-

полняют друг друга, сливаясь в единое целое. Целое, оно вообще более совершенно, чем разрозненные части. Быть может, объединение реальности и ирреальности в единое целое и создаст когда-нибудь тот пласт реальности, что задуман неведомыми творцами бесконечности миров. И возможно, а скорее всего так оно и есть, существующие реальность и ирреальность являются только путем к задуманному, а существа, обитающие там, являются в той или иной мере созданными, осуществляющими изначальный замысел.

Но не эти мысли занимали его сейчас. Все внимание было приковано к зданию монастыря, где уже давно свили себе уютное гнездышко члены одной из церковных организаций, которых вполне справедливо можно было назвать инквизиторами или же охотниками. Они и им подобные охотились за ним давно и безуспешно, тем не менее не оставляя бесплодных попыток вот уже много лет.

Единственным результатом, если это можно так назвать, были те посылки, что присылал им Безликий каждый раз после провала очередного «похода против исчадий тьмы». Чаще всего это была тщательно снятая с лиц кожа, полностью сохранявшая выражение предсмертного ужаса, а иногда и целая голова. Обычно после этого воинствующие церковники успокаивались на некоторое время, но вскоре все возвращалось на круги своя. Сейчас же они зашли слишком далеко, сумев найти единственное, пожалуй, больное место в непроницаемой броне, окружавшей мага.

Всего пару часов назад вернувшись в свой загородный коттедж и рассчитывая отдохнуть после множества навалившихся в этот день дел, он с удивлением обнаружил ментальное присутствие чужаков. «Интересно, кто еще из числа “слуг божьих” захотел геройски умереть? Что же, в этом я их братьии никогда не отказывал», – промелькнула мысль, изрядно приправленная ироничным цинизмом. Безликий ощущал присутствие троих, причем в ауре одного из них преобладали ощущения боли и страха. «Всего трое? С чего бы это святоши столь расхрабрились?» – возникла еще одна мысль, полная удивления.

Считая излишним строить защиту против такого скудного количества противников, Безликий совершенно спокойно, ничуть не волнуясь, распахнул дверь и внимательно посмотрел на визитеров. Это были посвященные одного из низших рангов, практически не владеющие магией, но исполненные фанатичной преданности к своим духовным наставникам. Идеальное мясо в руках святош, к тому же неспособное мыслить вне заложенных в них догм. Двое слуг божьих целились в него из пистолетов, третий же был слишком поглощен собственной болью – вся правая половина лица представляла собой один большой ожог явно магического характера.

– Неужели меня так сильно не уважают, что прислали всего троих, да еще не вышедших из ученичества? – его голос щедро источал сарказм. – Убить вас, что ли, или выслушать для разнообразия...

– Умри, исчадие тьмы! – истерически завопил самый молодой из них и нажал курок.

Раздался выстрел, но слуга божий с изумлением обнаружил, что пуля попала не в намеченную цель, а прямиком в кисть руки его собрата. Взыв нечеловеческим голосом от боли и изумления, тот выронил пистолет, не в силах удерживать оружие безнадежно искалеченной рукой. Незадачливый стрелок вновь попытался прицелиться. Безликий решил поощрить столь выдающееся упорство и на сей раз ментальным импульсом направил руку юного снайпера в потолок. Будучи уверенным, что сейчас он не промахнется, святоша выстрелил, и... люстра, срезанная «меткой» пульей, рухнула ему прямо на голову, вышибив из тела дух, как пробку из бутылки с шампанским.

– Кто прислал вас сюда, таких глупых и наивных? – обманчиво ласковым голосом произнес маг. Смехотворную попытку психоатаки он отвел без малейшего напряжения, на уровне инстинктивного рефлекса.

– Орден Лазурного Света, – ответил монах с обожженным лицом, шипя от боли. – Наша задача в передаче тебе послания от настоятеля. Мы поймали твою ученицу, и клянусь Святым Символом, эта нераскаявшаяся грешница умрет на

костре в муках. И не в твоих силах помешать этому, тварь.

Таранным ударом Безликий смял все барьеры сознания монаха и с горечью осознал, что святоша не врет, им действительно удалось захватить его ученицу, оказавшуюся слишком беспечной. Ожог на лице визитера был немым свидетельством ожесточенной схватки, происшедшей всего час назад, еще два трупа членов Ордена уже увезли в монастырь для отпевания.

– Боль! – хрипло произнес маг.

Слово сыграло роль приказа, и принесший дурную весть покотился по полу, воя от безумной, раздирающей все тело боли. Не осознавая уже своих действий, жертва ногтями раздирала кожу, и, наконец, пальцы, скрюченные подобно когтям зверя, разодрали сонную артерию, и жуткие крики прекратились.

– Не бойся, тебя я убью быстро, – безразличным тоном произнес маг монаху с простреленной рукой. – Мне слишком нужно твое лицо. Не хочу, чтобы оно повредилось.

Мощный ментальный импульс просто остановил сердце оставшегося в живых, все еще продолжавшего баюкать свою искалеченную конечность. Вынув из кармана хирургический скальпель, Безликий аккуратными движениями, сделавшими бы честь большинству хирургов, срезал с трупа лицо, оставив лишь ухмыляющийся череп с черными провалами пустых глазниц. Этот окровавленный трофей непостижимым способом уже через минуту слился в единое целое с его

собственными лицевыми тканями, и вот уже в зеркало смотрелась точная, неотличимая копия только что умершего монаха. Лишь глаза были другими, таких у служителя Ордена просто не могло быть – два бездонных колодца, ведущие за грань понимания.

* * *

Безликий твердым шагом шел к главному входу монастыря, будучи уверенным в том, что никто не обнаружит его суть под столь совершенной маской.

– Мир тебе, брат мой. Куда направляешь ты путь свой? – был вопрос привратника.

– В зал экзорцизмов. Настоятель велел мне явиться туда с докладом о данном мне поручении, – ответил Безликий, одновременно со словами легкими касаниями подправляя воспоминания привратника, добавляя нужные штрихи и стирая малейшие зачатки подозрительности.

– Ах да, как я мог запомнить, – удивился тот неожиданно появившемуся из глубин подсознания воспоминанию. – Проходи, брат мой, и помолись за ту заблудшую душу, дабы костер очистил ее от тяжелого груза грехов земных.

Услышав эти слова, Безликий не удержался и оставил любителю молитв прощальный «подарок», внедрив в подсознание ложное воспоминание о том, что его сменщик – скрывающийся от Ордена еретик, уничтожить которого являет-

ся главной целью в жизни привратника. Сомнительно, что до пересменка кто-либо опытный тщательно прозондирует мыслесферу «борца за чистоту веры».

Зал экзорцизмов нашелся без труда. Даже если предположить, что Безликим не было бы считано местоположение этого места из сознания святош, для нахождения этого зала достаточно было как следует принюхаться и идти на специфический аромат паленого мяса. Не открывая дверь, маг расширил свое восприятие и удостоверился, что его не ожидает неприятных сюрпризов. Все шло как по маслу, зайдя внутрь, он обнаружил прикованную к столбу свою ученицу и стоящих по бокам двух стражей. «Как же это они так оплошали с охраной?» – пронеслась в его сознании мысль, пока он шел по направлению к своей цели.

Стражи сохраняли полное спокойствие, видимо считая, что если кто зашел в зал, то так оно и надо. Слишком привыкли, что чужие здесь появляются лишь в виде беспомощных жертв для аутодафе. Рисковать, используя магию, не стоило, члены Ордена тоже не профаны в магических науках, но для отправки стражей напрямую в небесную канцелярию сгодился и банальный пистолет с глушителем. Два кашляющих щелчка – и на пол мягко осели два безжизненных тела с аккуратными отверстиями посередине лба. Безликому они чем-то напомнили марионеток, у которых безумный кукловод обрезал управляющие нити.

Он приблизился к единственному человеку, к которому

испытывал чувство, хоть как-то похожее на любовь — к своей ученице. Судя по всему, она находилась в бессознательном состоянии, раз не реагировала ни на шум шагов, ни даже на выстрелы. Безликий нежно приподнял ее упавшую на грудь голову... Мастерски наведенная иллюзия рассеялась, к столбу было приковано безжизненное тело! Его ученица была давно и безнадежно мертва, она просто не могла выжить с горлом, перерезанным от уха до уха.

По залу пошла мелкая рябь, открывая то, что было ранее скрыто за завесой, поставленной членами Ордена. По всему периметру стояли монахи-окультисты высоких степеней посвящения. Ловушку готовили специально для него, и Безликий сам сунул голову в петлю.

— Сдавайся, Безликий! Тебе все равно не выбраться отсюда! — издевательски захохотал старик в рясе, в котором маг узнал одного из настоятелей.

Сдаться своим врагам... О такой глупости маг не мог подумать даже с большого перепоя. Лучше погибнуть в бою, чем подохнуть на костре под елейные проповеди святош, так любящих сжигать своих жертв под аккомпанемент сахариновой морали проповедей. Он ударил всей силой, что смог собрать, и зал охватила липкая и затягивающая паутина безумия и потаенных кошмаров.

Юнец, только недавно вышедший из ученичества, вдруг вспомнил о давней тяге к суициду, за несколько лет до этого столь успешно вылеченной, и недрогнувшей рукой вонзил

стилет себе в сердце. Убеленный сединами монах, считавший себя устойчивым ко всем страхам и фобиям, вдруг закружился на месте в безумном танце, его пальцы рвали и калечили собственное тело в попытках содрать что-то невидимое и несуществующее. Он вспомнил детский страх перед пауками, ему казалось, что по нему бегут десятки противных многолапых существ, проникая под кожу и стремясь добраться до сердца. Каждый из попавших под ментальный удар Безликого сталкивался с персональным страхом, и преодолеть это могли далеко не все...

Лучшего момента для отступления и быть не могло. Не мешкая ни секунды, маг рванулся к выходу из зала, но жемчужно-серый экран, перекрывший дверь, отбросил его на несколько метров и заставил проехаться спиной по не слишком чистому полу. Вскочив на ноги, Безликий заметил, что настоятели Ордена сумели отразить посланную им волну безумия и теперь старались освободить от ее губительного действия тех, кого еще можно было спасти. С десятков орденцев уже отправились в мир иной, не выдержав столкновения с собственным подсознанием. Это было лишь первым этапом боя, число жертв магии Безликого продолжало расти.

«И все равно не прорваться!» – мелькнула мысль. Настоятели оказались слишком сильны, теперь действительно оставалось только захватить с собой побольше врагов, как сделали это в невообразимо далекие времена те, кто были первыми и истинными хозяевами этого места...

Хотя Безликий не знал о случившемся в далеком прошлом, он ухватился за пришедшую из непонятного источника возможность, как за путеводную нить, позволяющую захватить с собой побольше своих врагов. Он не знал, да и не мог знать, что именно было на этом месте до монастыря. Ставя все на последнюю карту и надеясь на приход в его руки джокера, маг всю оставшуюся силу влил в заклятие, целью которого было проникнуть вглубь памяти тех камней, что лежали в основании монастыря. Ведь даже мертвый камень может помнить, особенно если его омыть щедрыми потоками крови и проклятиями защитников, стоявших до последнего.

В сознании Безликого, что в этот момент проникало вглубь времен, возникли картины, когда на эти земли только начинала приходить новая вера. Древние боги и их жрецы вначале не обращали внимания на религию, чьи адепты находили себе паству лишь среди рабов – слишком ничтожными казались их раболепные повадки и проповеди смирения и всепрощения. Но лстивые намеки проповедников проникли в уши правителей, ведь управлять покорным людским стадом не в пример легче, чем гордым и свободолюбивым народом. И спустя пару десятков лет правители отвернулись от своих исконных богов, предав память предков во имя власти не только над телами, но и над душами подданных. «Огнем и мечом, бичом и псалмом я выжгу память о себе на ваших спинах!» – вот тот девиз, что могли написать на своих

знаменах распространяющие веру в нового бога.

Обращение в новую веру было насильственным, остававшихся верными старым богам уничтожали. Вместе со сторонниками веры предков уничтожали и все культурное наследие, особенно книги. Новым властителям душ хотелось оставить по себе память просветителей, проливших светоч истинной веры темным язычникам, а не могильщиков древней и не в пример более могучей культуры.

Место же, где сейчас высилась громада монастыря, было тогда одной из последних крепостей защитников древних святынь. Она пала, но взяла с победителей кровавую плату за триумф. Верховный волхв погиб последним, прямо у подножия статуй богов, которым присягнул на верность. Прошли века, но камни древнего святилища помнили кровь защитников и торжествующие вопли победителей. Ненависть же – самое стойкое чувство, которое не умирает никогда. Огонь ненависти тушится лишь кровью обидчиков!

Маг впитывал образы, посланные ему из глубины веков, не обращая внимания ни на обступивших его монахов, ни на сотворенную ими магию, что должна была спутать его по рукам и ногам – святоши все же собрались заполучить редкостную добычу для «очистительного» костра. О да! Костер хорошо очищает... Кости от кожи и мяса, но не более того.

Безликий ощутил, что у него есть шанс не только выжить, но и отомстить за смерть ученицы. Вот только и плату придется внести высокую... Очень высокую. Возможно, другому

магу на его месте стало бы страшно пожертвовать собственным телом и перейти в иное, совершенно незнакомое доселе состояние, но Безликий и так не всегда отчетливо понимал, в каком мире находится – реальном или сотканном из паутины снов и кошмарных видений.

Издевательский смех настоятеля Ордена внезапно прекратился при виде того, как монахи, окружившие Безликого, вдруг отшатнулись с жалобными визгами. Превратившаяся в кислоту кровь мага, прорвав жилы, смертельным дождем пролилась на их лица. Крики скоро стихли, ведь, согласитесь, сложно кричать, когда голосовые связки уже разъедены кислотой. Избежавшие кислотной купели отхлынули в разные стороны, только бы оказаться подальше от чернокнижника, сумевшего достойно ответить и в столь безвыходной ситуации. Загремели выстрелы из пистолетов, в тело мага ударили несколько энергетических пульсаров, но толку в этом было уже немного.

Сознание Безликого уже почти покинуло тело, втягиваясь в стены монастыря, перемешиваясь с каменными плитами, бывшими когда-то частью языческого храма. Теперь его душа жила в самом здании, но как много времени потребуется, дабы вновь осознать себя и привести разум в прежнее состояние, сказать не смог бы никто. Лишь в одном маг был абсолютно уверен – он отомстит, и это будет не стандартное убийство врагов. Он придумает что-то особенное, но потом, потом. Разум его едва уловимыми нитями пронизывал весь

монастырь, и по крайней мере несколько лет он вынужден будет вести борьбу за сохранение своей личности, рассеянной по древней каменной громаде.

Последним усилием маг заставил уже почти не подчиняющееся тело повернуть голову в сторону орденой верхушки.

– Смерть – это только начало, – были последние слова Безликого перед тем, как его бывшая оболочка разорвалась на куски подобно противопехотной мине, калеча и убивая всех еще оставшихся в зале экзорцизмов.

Глава 2. Проклятый монастырь

Целый день с неба льет этот проклятый дождь, превращая грунтовую дорогу в очень достоверное подобие болота. Колеса моего внедорожника то и дело прокручиваются вхолостую, взметая во все стороны потоки жидкой грязи. Понесла же нелегкая в другой город к знакомой на день рождения, а главная трасса, как назло, оказалась перекрыта. Добираться же по окольным дорогам удовольствие ниже среднего, особенно в такую паскудную погоду. Того и гляди завязнешь всеми колесами в какой-нибудь особо глубокой луже, и можешь не надеяться на освобождение собственными силами.

И по какой, спрашивается, надобности я вылез из дома в такую погоду, что подвигло меня на это неразумное действие? Добро бы день рождения хорошего друга, а то так... Хотя о чем я, вот она причина этой затеи, сидит на соседнем сиденье, ноготки подпиливает в ожидании встречи со своей лучшей подружкой. Знакомьтесь, мадемуазель Люси, редкостная стерва, обладающая тем не менее прелестной фигурой и не лишенная мозгов, что в наши времена является большой редкостью.

Накаркал себе на голову мешок неприятностей! Оба левых колеса соскользнули аккурат в грязевую ванну, вольготно раскинувшуюся посреди дороги. После нескольких попыток выбраться я понял, что машина засела крепко, и ес-

ли я не хочу заночевать здесь, то надо вызывать эвакуатор. Надеюсь, что хоть этот грязеустойчивый монстр сможет добраться досюда без проблем и приключений. Достав из кармана мобильник, я бросил взгляд на экран и увидел самую неприятную в данной ситуации картину – мы находились вне зоны действия сети.

– Люсьен, хватит когти полировать, и так можешь ими при желании насильникам глотки резать, – отвлек я подружку от ну очень важного занятия. – Попробуй со своей трубки позвонить, а то мой оператор тут не ловит.

Она неохотно потянулась к сумочке, но вытащив оттуда свой изящный аппаратик последней модели, тут же зашвырнула его обратно. Это нехитрое действие сопровождалось изощренными комментариями по адресу качества связи и качества мозгов обслуживающего персонала.

– Так что делать будем? – пихнула она меня локтем в бок.

Хороший вопрос, особенно в нашем положении. Топать пешочком до ближайшего населенного пункта не слишком воодушевляет, да еще по такой грязище. А что делать? Хотя... Буквально в сотне метров от нас за пеленой дождя тускло светились огни в каком-то большом здании явно старой постройки.

– Люси, а посмотри-ка во-о-н туда, – ткнул я пальцем в направлении светящихся огней. – Конечно, в сумерках толком не видно, но хочется надеяться, что это гостиница или на крайний случай загородная вилла очередного богатенького

буратины.

— Это вряд ли, — саркастически фыркнула моя стервозная пассия. — Ну посуди сам, разве поблизости от коттеджа всяких Финансистов Олигарховичей могут быть проблемы со связью? Скорее уж там нечто вроде музея старины далекой или действительно захудалый отельчик. Пошли уж, не в машине же ночевать.

Оно так, но и путь по колёно в размокшей глине под непрерывно льющимися с неба потоками воды тоже не показался приятной прогулкой. К тому времени, как мы подошли к воротам непонятного строения, даже мои джинсы превратились в грязную и промокшую насквозь тряпку, что уж говорить об элегантном платье Люсьен. Нет, если уж началось форменное невезение, то оно так и будет целый день продолжаться. Это была не гостиница и даже не музей, перед нами равнодушной громадой возвышался монастырь. Только вида хмырей в рясах мне и не хватало для окончательно испорченного настроения. А куда денешься? Все равно придется идти туда, хотя бы для того, чтобы сделать пару звонков.

Одно хорошо. От ворот и до самого входа в монастырь дорожка была выложена из плит, хоть тут не пришлось грязь месить. Над массивной, окованной железными полосами дверью висел колокольчик, судя по всему, выполнявший тут функции звонка. Озлобленная всем на свете Люсьен тут же начала злобно трезвонить, заставляя меня прикрыть уши от поднятой ею невыразимой какофонии.

– Вымерли они там все, что ли? – зашипела она после нескольких минут безрезультатного трезвона. – Да не должны, свет в окнах горит.

– Если дверь не открывают, значит, это кому-нибудь нужно.

Произнеся эти слова, я от души пнул вышеупомянутый объект. Объект протестующе скрипнул и соизволил немного приоткрыться. Распахнув оказавшуюся незапертой дверь и пропустив Люсьен вперед, я перешагнул порог монастыря. Если бы я знал, куда приведет меня этот шаг, оказавший столь огромное влияние в самом ближайшем будущем... Впрочем, оглядываясь назад, с уверенностью могу сказать, что даже зная все наперед, я бы все равно вновь вошел в эту дверь, резко изменившую мою жизнь.

* * *

Внутри монастыря было тихо и как-то безжизненно, в воздухе словно витал аромат запустения. Первой не выдержала моя подружка и громко закричала в сложенные рупором ладони:

– Э-э-й! Хозяева! Есть кто дома или подошли все?

С минуту не было слышно ни малейшей реакции на столь эмоциональное высказывание, но потом где-то наверху, на втором этаже раздался тихий шорох. Затем стали слышны тихие, осторожные шаги спускающегося по лестнице, словно

он сильно опасался то ли нас, то ли вообще непонятно кого. Странно все это, если хозяева этого места так напуганы (или осторожны, это пока неясно), то какого же они тогда входную дверь не закрывают? Ответа на этот вопрос у меня не было, но на всякий случай я проверил, хорошо ли выходит из подмышечной кобуры мой старый, но надежный пистолет Стечкина.

Тут Люси вцепилась мне в руку и прошептала, одновременно пристально смотря на появившуюся перед нами фигуру в рясе:

– Ты посмотри как следует на выражение его глаз. Это взгляд отчаявшегося человека, который уже ни во что не верит... А для монаха это очень странно.

Это она верно подметила, такой психологический надлом у этой категории людей встречается довольно редко. Что же должно было случиться в этом месте? А, к черту, не мое это дело, да и вся эта святая шатия-братия никогда не вызывала у меня других эмоций, кроме отрицательных.

– Зачем вы здесь? – голос монаха оказался тусклым и безжизненным.

– Машина у нас сломалась, а мобильные телефоны вне зоны действия сети. Увидели свет в окнах, вот и заглянули на огонек. Надеюсь, что телефон в вашем заведении имеется? – Монах кивнул и показал на небольшой столик со стоящим на нем аппаратом. – Если вам интересно, то имя моей подруги Люси, меня же можете называть Эш.

Конечно, это было не имя, а всего лишь прозвище, правда на протяжении нескольких последних лет употреблявшееся значительно чаще имени. Эш – сокращенное от Ashes, то есть Пепел. Прозвище намертво прилипло ко мне по двум причинам: наиболее часто используемая мной и любимая присказка «пепел к пеплу, прах к праху»; вторым же фактором стал мой сероватый, мертвенный цвет кожи, больше всего напоминающий пепел прогоревшего костра. Так что когда ко мне обращались по имени, иногда я даже некоторое время не понимал, к кому именно обращаются.

Но монаху наши имена явно были по барабану, ему хватало и собственных проблем. Он лишь кивнул, показывая, что услышал и принял к сведению все сказанное. Я бодрым шагом направился к телефону, от всей души желая дозвониться до службы эвакуации и смыться из столь неприятного мне места как можно скорее. Сняв трубку, я услышал длинный гудок и ободряюще подмигнул Люсьен, дескать, все нормально, агрегат жив и годен к работе. Ага, щ-щаз-з, размечтался! На том конце провода сняли трубку, и заспанный голос мрачно прогундосил на всю комнату:

– Фирма «Безенчук и Ко» рада приветствовать вас. Какой товар заказывать будем? У нас не гроб, а огур-рчик!

– Проспись, урод! – рявкнул я и повесил трубку.

Ну это надо же, попасть вместо службы эвакуации транспорта в бюро ритуальных услуг, да еще один в один слизанное из «Двенадцати стульев». Расскажу приятелям, так они

со смеху под стол закатятся. Дурдом на прогулке! Еще раз возмущенно фыркнув, я снова набрал нужный номер, тщательно следя за каждой набираемой цифрой.

– Добрый вечер, туристическое агентство «Харон» к вашим услугам, – раздался певучий женский голосок. – Билет в один конец в любой загробный мир по вашему усмотрению, для постоянных клиентов у нас предусмотрены значительные скидки.

– Извините, – с трудом сдерживаясь от переполнявших меня не слишком добрых чувств, перебил я сей рекламный проспект, – но я вообще-то не к вам звоню.

– У нас ошибок не бывает, – назидательно сообщил голос, и из трубки понеслись короткие гудки.

Я в полном офигении от случившегося обвел взглядом комнату. У Люси в глазах светились те же самые чувства, то есть недоумение вперемешку с раздражением, а вот реакция монаха заслуживала пристального внимания. Тот факт, что мне не только не удалось дозвониться до нужного места, но и всякий раз на другом конце провода оказывались люди, тем или иным образом связанные со смертью, не вызвал у него ни малейшего удивления.

Неестественная реакция, согласитесь. Значит, он в той или иной степени в курсе того театра абсурда, что неожиданно обрушился на наши головы. «Господь велел делиться», – как говорила амеба, разделяясь на две равные половинки. Вот пусть и служитель культа последует примеру микроор-

ганизма и расколется по поводу странного поведения телефона.

– Ну что, монах, излагай, почему в вашем молельном заведении у телефона крыша уехала?

В ответ не прозвучало ни единого слова, объект расспросов стоял и тупо смотрел в потолок, словно на нем был выбиты величайшие откровения небес на все случаи жизни. Пришлось взять его за шиворот и аккуратненько припечатать к стенке для оживления беседы. Старая, как мир, тактика подействовала и на этот раз, вызвав у подопытного значительное желание поговорить.

– Вы уверены, что действительно хотите знать это? – безнадёжно тоскливо поинтересовался он. – Что ж, надеюсь, вы не пожалеете.

– Говори, говори, – подбодрил я его. – Да только постарайся, чтобы мы поверили твоим словам, а то...

В подтверждение своих слов я продемонстрировал ему «стечкин», снятый с предохранителя и готовый проделать несколько незапланированных дырок для лучшей вентиляции внутренних органов.

– Обещаю, что вам придется мне поверить, – тяжело вздохнул он. – И не только поверить, но и убедиться собственными глазами. Для начала попробуйте выйти отсюда, хотя бы через ту дверь, в которую вы вошли.

Похоже, мой собеседник окончательно сбрендил. Невелика проблема – выйти на улицу и вернуться. Подойдя к вход-

ной двери, я аккуратно потянул на себя дверную ручку, и ничего не произошло. Дверь была закрыта. «Так, шуточки продолжаются», – подумал я и пару раз выстрелил в дверной замок. Вот тут меня действительно проняло до глубины души: пули просто вошли в дверь и исчезли, как будто это была не дверь, а голографическое изображение. Но голограмма не обладает материальностью, а моя рука отчетливо ощущала дверь, целую и невредимую, нисколько не поврежденную пулями. Сзади раздался испуганный взвизг моей подружки. Обернувшись, я увидел, что ее трясет так, словно она по ошибке засунула пальцы в электрическую розетку.

– Эш, п-посмот-три на н-н-адпись над д-дверью, – ее зубы лязгали почище кастаньет, хоть прямо сейчас в испанский народный ансамбль записывай.

Да, просьбу, высказанную таким голосом, желательно исполнить. Заставить Люсьен заикаться от страха могло только что-то ну очень существенное. Переведя взгляд в рекомендованное место, я понял, что причина действительно уважительная – над дверью красовалась мерцающая тусклым светом надпись: «Вошедшим сюда выхода нет». Словно убедившись в том, что все здесь присутствующие приняли написанное к сведению, чья-то невидимая рука стерла мерцающие буквы, словно мел с доски в лекционной аудитории.

Мистика, однако! Похоже, нас угораздило попасть в дом с привидениями, настроенными самым недружелюбным образом. Конечно, я и раньше был уверен, что наш мир гораздо более сложен, чем может показаться, и оккультная составляющая просто должна присутствовать в нем. Ведь нет дыма без огня. Все многочисленные мифы и легенды должны были иметь под собой сколь-либо прочный фундамент, да и способности вроде телекинеза, иногда появляющиеся у отдельных людей, тоже не из пустого места нарисовались. Я и сам увлекаюсь оккультизмом, видел кое-что не вписывающееся в сугубо материальные представления о мире, но не в таких явных и угрожающих формах.

Да, повидал я многое, гораздо больше того, что могло бы присниться обычному человеку. И тут, да и в других, порой весьма экзотических краях. Поневоле на ум пришел виденный мной как-то плакат: «Поступив к нам на работу, вы сможете побывать в разных странах, увидеть множество достопримечательностей, познакомиться с массой разных людей». Одно маленькое уточнение – с большей частью знакомство учинялось через прицел снайперской винтовки.

Оно самое... Пришлось несколько лет поработать в разных местах, сочетая собственно работу и личные принципы. Наемник по прозвищу Эш хоть и воевал за деньги, но лишь

против тех, к кому испытывал искреннюю душевную неприязнь. Такие всегда были в избытке: наркокартели, мальчики из звездно-полосатой страны, прочая мутная накипь рода человеческого.

Что поделать, найти иное применение своим специфическим талантам мне так и не удалось. Из родных вооруженных сил выперли за категорическую неуживчивость характера, на прощание прилепив на грудь зримое подтверждение заслуг. Правда, воплощение никак не сочеталось с устным напутствием провалиться куда подальше и более не появляться ближе километра от любой воинской части.

Забавно. Видимо, сильно не понравилась моя привычка зачищать враждебную территорию до состояния выжженной земли. Зато по моим ребятам не стреляли из-за каждого куста. Некому было, вот и не стреляли. Однако не всем такой подход нравился. «Не всем» – это начальству. Да крысам разных мастей, что делали ставку не на победу, а на поражение, позволяющее вновь и вновь вертеть вонючие свои гешефты.

Сидеть на гражданке было грустно, денег было тоже не так чтоб достаточно. В околумафиозные структуры не тянуло, а прозябать в какой-нибудь охране или службе безопасности для своего офицерского самосознания я считал несколько не комильфо.

Так и понеслось. Одна страна, другая. Как хорошего снайпера меня ценили, но я старался не задерживаться на одном месте. Сыграло свою роль то самое, еще с институтской

скамьи, увлечение оккультизмом. Оно же, в свою очередь, пошло от впервые увиденного гипноза. Был у нас в университете один гость, гипнотизер с именем, так в обзорной лекции рассказывал и показывал азы своей науки.

Хорошие были объяснения, четкие. Вот я и попробовал чуть позже, воспользовавшись еще и соответствующей литературой, проверить на собственном опыте показанное им. Естественно, не в роли подопытного, она меня совсем не устраивала.

К моему приятному удивлению, опыт удался. Мне удалось ввести в гипнотранс одну свою подружку. Сам факт такого воздействия раз и навсегда захватил меня, заставив в дальнейшем не только усилить способности гипнотизера, но и докапываться до других, вроде бы не существующих знаний. Но для этого надо было поехать по миру, пошарить в разных глухих уголках и, напротив, в крупных мегаполисах. Поэтому работа наемного стрелка и снайпера и позволила многое постичь, узнать, понять.

Не скажу, что мне удалось достичь многого. Но кое-что все же получалось. Хотелось большего, но на это мои мимолетные знакомые, владеющие кое-чем, лишь разводили руками. Дескать, мы и сами рады, да пока рылом не вышли.

Постепенно закрадывалась мысль о том, что надо осесть в одном из перспективных мест и медленно, планомерно искать выходы не на полудиких шаманов из той же латиноамериканской глубинки, а на более серьезных людей. Благо

деньги скопились немалые, так что со временем и возможностями ограничений отныне не водилось.

Вот и вернулся я в родные края. Знающие люди сказали, что как раз на моей родине прослойка «знающих» посolidнее, чем в других местах земного шара. Только искать их – занятие непростое, да и опасное к тому же.

С моего возвращения прошло месяца полтора, не более того. Я успел отдохнуть как следует, опять же восстановить отношения с Люсьен. Всерьез заняться поисками рассчитывал где-то через две-три недели.

Однако жизнь – это то, что случается с человеком, пока он стоит планы. Вот так оно и вышло. Угораздило меня вляпаться в мистическую по самое «не могу» ситуацию. И как прикажете выбираться из нее? Не знаете? Вот и я тоже не в курсе. Остается только подробно расспросить монаха как аборигена здешних мест, причем с самого начала этого мистического действия.

* * *

Приобняв все еще дрожащую как лист на ветру Люсьен, я усадил ее на довольно удобный диванчик, после чего и сам приземлился рядом. Монах все так же стоял как памятник нерукотворный, изображая отрешенность от всего мира. Вот только получалось у него это из рук вон плохо.

– Ну что, служитель культа, рассказывай с самого начала,

как вы докатились до такой жизни?

– Это безумие началось четыре дня назад, – начал монах свое повествование. – Один из братьев просто-напросто не смог открыть входную дверь. Сначала ему не поверили, но потом, попробовав сами, вынуждены были признать его правоту. Дверь пытались открыть всеми способами: выламывали ломом, стреляли, закладывали взрывчатку. Я уж не говорю о... м-м-м, несколько нетрадиционных методах.

Эге, да и сами монахи не так просты, как могло показаться. Я готов съесть собственные сапоги, если под словами «нетрадиционные методы» он не имел в виду нечто оккультное.

– Так значит, вы сразу почувствовали в этом магическую составляющую? – заинтересовался я. – Да не мнись ты, словно целка после пятого аборта. И ежику понятно, что вы используете магию, хоть и тщательно скрываете это.

– Не буду спорить, все равно это уже неважно. Отсюда не выбраться никому.

– Еще раз такое скажешь, лично тебя под плинтус утрубую, – моему злобному шипению позавидовали бы все гадюки в окрестностях. – Придурок, ты же должен знать, что высказанные вслух мысли иногда имеют обыкновение сбываться. Говори по сути...

Оказалось, что не только дверь, но и окна, и даже стены не поддались попыткам разрушения. Телефон нельзя сказать чтобы не работал, но постоянно соединял с заведениями на

манер тех, что попались и мне. Да и вообще за более конкретными сведениями мне следует обратиться не к нему – скромному члену Ордена, – а к более значимым персонам. Вот только большую часть самых значимых уже следует на том свете с фонарями искать – померли от непонятных, но тем не менее несовместимых с жизнью причин. Интересные вообще-то новости...

– Так давай, веди к своему духовному начальству, Сусанин хренов. Воплей от тебя много, а толку маловато будет.

В довесок к словам монаху был выделен легкий толчок в спину для скорейшего перебирания ногами. Скорость беременной улитки, с которой он поплелся провожать нас к более осведомленным людям, меня никак не устраивала. Поднявшись вслед за нашим провожатым на второй этаж, мы медленно продвигались по длинному коридору, по бокам которого видны были абсолютно одинаковые двери. В воздухе витали неуловимые вибрации смерти и того ужаса, что лежит на грани человеческого восприятия. Лишь в ночных кошмарах и бредовых видениях простые люди могут разглядеть слабую тень истинного хоровода безумия, царящего по ту сторону сознания.

– Кельи братьев, – прокомментировал монах. – Многие предпочли затвориться в них в надежде на спасение.

Что я мог сказать? Тактика страуса, прячущего голову в песок и надеющегося таким образом избежать опасности, никогда не приносила успеха. К тому же из-за нескольких

дверей, кстати плотно закрытых изнутри, ощутило пованивало мертвечиной. Видимо, некоторые уже «спаслись» от жизни в нашем мире. Вдруг одна из дверей словно взорвалась, и из проема выбежало, не побоюсь этого слова, существо, лишь внешним видом отдаленно напоминающее человека.

– Где я? Опять кошмар! Вы не посмеете убить меня! – бессвязные крики можно было услышать и в другом конце здания, у меня же, стоящего на таком близком расстоянии от источника воплей, заложило уши, словно при посадке самолета.

Я с пристальным интересом изучал это нечто, лишь пару дней назад бывшее человеком. Его глаза пристально смотрели на нас, но не видели. Нет, я неправильно выразился, его глаза видели, но не нас, стоящих прямо перед ним, а нечто другое. Словно перед его взором была другая, совмещенная с нашей, реальность.

Окажись на моем месте дипломированный психиатр, он бы наверняка предположил воздействие галлюциногенных препаратов или буйную фазу у больного шизофренией. Но взгляд материалиста, отрицающего все оккультное, в данной ситуации был бы верхом человеческого идиотизма, хотя воистину *no limitus homikus dolboebicus*, а иначе говоря, нет предела человеческому расп..ству. Ну не может человек, входящий в монашеский орден, кстати, тесно связанный с оккультными практиками, сойти с ума в такой странной

форме.

Тут у появившегося из кельи в руке возник небольшой, но крайне острый кинжал. Держал он его грамотно, обратным хватом, как нельзя более подходящим для нанесения режущего удара, что заставило меня переместить руку поближе к кобуре.

– Брат Марк, это я, Симон, – попытался заговорить с ним наш проводник. – Ты не узнаешь меня?

Зря он это сказал, тут и к гадалке ходить не надо. При этих словах в глазах Марка медленно проявилось пристальное, но очень уж нехорошее внимание:

– Симон... Не-ет, Симон умер. Его убили, – невнятной скороговоркой пробормотал он. – Ты обманка! Очередной кошмар, фантом. Но тебе не удастся меня обмануть...

Не договорив, Марк стремительным прыжком метнулся к Симону. Лезвие кинжала уже шло по широкой дуге, на пути которой находилось горло выбранной жертвы. «Хорошо, что я привык носить пистолет с патроном в стволе и не ставить оружие на предохранитель», – промелькнула в голове мысль за тот ничтожный промежуток времени, который потребовался, чтобы всадить в кинжальщика пару пуль. Первая девятимиллиметровая маслина попала в плечо, заставив безумца отлететь в угол, попутно развернув его в полоборота; вторая же, вместо того чтобы попасть в другое плечо и отключить оставшуюся руку, вошла в шею, к чертовой матери перебив позвоночник. Диагноз – труп.

Наш проводник, как оказалось, откликающийся на имя Симон, стоял, прислонившись к стене, и звучно клацал зубами. Признаться честно, немногим тише, чем Люсьен несколько минут назад. Видно, он никак не мог прийти в себя по случаю, что его чуть было не прирезал собрат по вере, да еще предварительно заявивший, скажем так, вещи, не соответствующие действительности.

– Спасибо за спасение моей жизни, – монах с трудом отклеил себя от стенки. – Я буду молиться за вас, чтобы вы сумели выбраться из этого кошмара, в который превратился наш монастырь.

Нужны мне его молитвы, как алкашу безалкогольное пиво! Похоже, этот наивный тип считает, что я спас его шкуру из чистого альтруизма. Ну-ну. Это чувство мне неведомо в принципе, но вот благодарный информатор в чужом обществе может оказаться весьма и весьма полезен. Да и являться к здешнему начальству лучше в сопровождении живого проводника, а отнюдь не с рассказами о его внезапной кончине.

Параллельно с философскими размышлениями я деловито обшаривал карманы покойничка. Ничего стоящего обнаружить не удалось, но вот кинжал, все еще накрепко зажатый в мертвой руке, был достоин внимания. Неплохое приобретение, на мой скромный взгляд, – несколько вычурная рукоять, но зато вполне приличная сталь и баланс, равно пригодный как для обычного ножевого боя, так и для метания.

– Люсьен, вот тебе подарочек, – с этими словами я пере-

дал ей свой боевой трофей. – Похоже, что в этом уютном местечке без подобного рода игрушек не проживешь.

Она лишь кивнула, соглашаясь с моим высказыванием. Жалко мне девчонку, ей ведь, в отличие от меня, еще не доводилось оказываться в серьезных переделках, да и процесс перевода живого человека в абсолютнодохлое состояние она также увидела впервые в жизни. Впрочем, все, что не убивает нас, может пойти на пользу. Если Люсьен не сломается в этом круговороте событий и вдобавок останется в живых, это даст серьезную закалку от большинства жизненных неприятностей, столь часто происходящих в нашем веселом и разнообразном мире. Я лишь могу поддержать ее, но ни в коем случае не носить, как с младенцем-несмышленком – не в моих это принципах.

– Да, Симон, – задержал я монаха, уже собиравшегося было идти дальше. – Я тут загляну в комнату, где обитал этот особо буйный покойничек. Уж больно интересно, как его довели до такого состояния, если он никуда не выходил и сидел там, запершись изнутри.

* * *

На первый взгляд помещение, где обитал ныне покойный Марк, было вполне обычным. Для монаха, конечно. Книги духовного содержания, нехитрая мебель, кое-какие личные вещи, в которых я тоже не нашел ничего заслуживающего

внимания. Окно, за которым все так же шел дождь, я открывать даже не пытался – все равно бесполезно. Единственное материальное проявление, так скажем, странного я обнаружил, лишь внимательно посмотрев на стены комнаты. Словно абстрактные узоры покрывали каждый квадратный сантиметр стен, складываясь то в почти понятные картины, то в мешанину абсолютно произвольных линий.

Без сомнения, эта художественная роспись обладала и гипнотическим воздействием, но заподозрить монаха, ранее здесь жившего, в его причастности к оформлению интерьера было по меньшей мере наивно. Такой талант встречается редко. Лишь на картинах Врубеля я мог видеть нечто отдаленно напоминающее здешний декор, да и то в ослабленном, практически незаметном проявлении.

– Покойный не увлекался живописью или декором стен? – для очистки совести поинтересовался я у Симона.

– Нет. С чего это вам в голову пришло? – неподдельно изумился монах.

Только я хотел показать ему оригинальное оформление стен, как обнаружил, что это самое оформление медленно, но верно уходит вглубь, становясь невидимым для обозрения. Да, неладно что-то в стенах монастырских, причем в самом прямом смысле.

– Ну, нет так нет. Давай, води нас, Сусанин.

И все же галлюцинациями я сроду не страдал, поэтому и принял за непреложный факт существование исчезнувшей

орнаментальной росписи. К тому же кто знает, что еще могло исчезнуть из комнаты до нашего появления. Даже моего скромного чутья на присутствие магических составляющих с лихвой хватило для обнаружения следов мощного, но в то же время изощренного магического воздействия. К сожалению, нехватка опыта и знаний не позволила понять цель и принадлежность использованных оккультных сил. Судя по всему, придется выяснять это у здешних авторитетов, а об их полной откровенности не может быть и речи.

– Вот мы и пришли, – Симон остановился у запертой двери, украшенной символом в виде поднимающегося светила в ореоле лазурного свечения. – За этой дверью сейчас находится все руководство Ордена...

Он осекся на полуслове, поняв, что позволил себе сказать не предназначавшееся для посторонних ушей. Привыкай, болезный, язык дан человеку, чтобы тщательно скрывать свои мысли, а вовсе не для обнародования их всем любопытным. Впрочем, на данный момент мне от его обмолвки ни горячо, ни холодно. Ну Орден, ну церковный, и что с того? Магией пользуются, так это я и раньше почувствовал. Ладно, учтем на будущее, вдруг и сгодится информация.

Несколько обескураженный Симон, порывшись в необозримых карманах своей рясы, извлек фигурный ключ и, немного повозившись с замком, открыл дверь. Как и подобает джентльмену, я пропустил вперед себя Люсьен, после чего и сам зашел внутрь.

Помещение оказалось большим залом, то ли молитвенным, то ли для общих собраний. Последнее предположение казалось более вероятным и из-за обмолвки Симона об Ордене, и вследствие того, что зал был буквально насквозь пропитан магическими флюидами. Судя по всему, располагавшееся здесь руководство в количестве шести экземпляров пыталось таким образом хоть в какой-то степени оградить себя от происходящего снаружи. Но вот удавалось ли им это – большой вопрос. Возможно, и нет, особенно если учитывать их изможденные лица, отнюдь не обремененные радостными эмоциями.

– Кого ты привел сюда, брат Симон? – брюзгливо проворчал один из них. – И откуда они вообще здесь появились?

Симон начал что-то бормотать в свое оправдание, объясняя что, как и почему, а одновременно с этим я почувствовал грубую попытку кого-то из шестерки покопаться в моем мозгу. Судя по обесмыслившемуся выражению глаз Люсьен, с ней происходило то же самое, но, в отличие от меня, она не умела закрывать разум от постороннего вмешательства. Такого рода любопытство не вызывало у меня ни малейшего сочувствия и требовало ответных действий. Именно поэтому пришлось отправить желающему покопаться в моих мозгах ответный ментальный послыл.

Маленький человечек ярко выраженного женоподобного типа непроизвольно вздрогнул и недоуменно схватился за горло. Оно и неудивительно, ему показалось, что вокруг его

шей обвилась колючая проволока и начала медленно вращаться. Эти ощущения заставили его временно отступить. Давление на мой мозг прекратилось, а то я уже держал блок из последних сил. Мне еще очень повезло, ведь значительная часть сил шестерки местных руководителей уходила на поддержание защиты от внешних воздействий. В противном случае моих сил не хватило бы на должный отпор – слишком уж незначительны были мои возможности по сравнению с любым из них.

– Прекратите психоатаку, – довольно вежливо попросил я у них. – И не вздумайте лезть в мозги моей подруги.

Слова были подкреплены наведенным в их сторону пистолетом. Согласен, не слишком опасная для столь опытных святош-окультистов угроза, но все же... Им и без того проблем хватает, чтобы отвлекаться на посторонние раздражающие факторы.

– Хорошо, мы согласны, – ответил за всех представительный седобородый монах с глазами фанатика. – Давайте поговорим, думаю, что темы для беседы найдутся, особенно при нынешнем положении дел.

– Уничтожьте его, пожалуйста, – брызгал слюной женоподобный уродец, все еще массирующий горло. – Он владеет магией, пусть и на невысоком уровне. Неизвестно еще, как он попал сюда.

Пуля, ударившая в пол рядом с его ногой, заставила оборваться его возмущенные вопли.

– Заткни пасть, нечто неопределенного пола, – ласково посоветовал я ему. – Я не имею ни малейшего отношения к вашим противникам и вообще не в курсе, с кем ваш Орден сейчас выясняет отношения. Мое единственное желание – выбраться из вашего крысятника целым и невредимым. Сами должны понимать, для этого мне нужна полная и конкретная информация о случившемся, начиная с самых первых признаков. – Я обернулся к седобородому, оказавшемуся настоятелем, и продолжил: – Действительно, я искренне и от всей души не выношу вашу религию, но в настоящий момент у нас одна общая цель. Если вы умный человек, то поймете, что выгода от нашего сотрудничества вполне вероятна, а вот конфликт нежелателен.

Настоятель одним мановением руки заставил сесть обратно в кресло недодушенного недомерка, злобно сверлящего меня взглядом.

– Договорились. Думаю, что брат Симон уже рассказал вам все, что знал. Он всегда отличался повышенной болтливостью, – при этих словах вышеупомянутый индивид по-куриному вжал голову в плечи. – Что еще вы хотели бы узнать?

– По дороге сюда, когда мы проходили мимо комнат, где решили отсидеться большинство ваших, на нас набросился обезумевший монах, выскочивший из своей комнаты. Пришлось его прикончить.

Настоятель изумленно приподнял брови, не понимая, при чем тут сей не слишком значимый эпизод.

– Не удивляйтесь, меня интересует совсем не это. Сразу было видно, что его намеренно свели с ума, размыв грань между реальным и нереальным. Поэтому я и решил тщательно обыскать его комнату в надежде найти нечто необычное.

– Вам это удалось? – проявил заинтересованность настоятель.

– Можно сказать и так, однако материальных доказательств этого нет. Но вот что я увидел сразу же после того, как зашел в комнату... Очень своеобразная орнаментальная роспись стен, настоящее произведение искусства, одновременно обладающее мощным гипнотическим эффектом. А ведь покойный Марк, живший там, не имел к живописи ни малейшего отношения. Нет, можете даже не утруждаться повторным осмотром, все равно бессмысленно. Вся эта композиция исчезла прямо на моих глазах, оставив после себя лишь ощутимые следы магического воздействия. Понять их я не смог, не хватило опыта.

– И какой из всего этого вывод? – спросил ранее молчавший монах, рассеянно перебирающий четки.

Совсем охренели эти члены руководства непонятного Ордена. Что я им, на тарелочке должен преподнести все разгадки тайн этого места? Мне оно сто лет как не требуется. Предел моих мечтаний – смыться отсюда без ущерба для здоровья, желательно вместе с Люсьен, а что будет с церковниками... Да пусть их тут хоть на котлеты прокрутят! Все мои контакты со служителями сей религии заканчивались в луч-

шем случае возмущенным фырканьем с их стороны, а то и более серьезными последствиями.

– Вывод... – усмехнулся я. – Выводы из рассказанного должны были сделать вы сами, как более осведомленные в оккультных знаниях. Я же могу лишь предположить, что некто, обладающий очень большой силой и обитающий не совсем в нашей реальности, очень хочет уничтожить всех. Да, всех, кто находится в монастыре. Как именно он это делает, я не знаю. Может, знаете вы?

Судя по искажившейся физиомордии настоятеля, да и остальных членов руководящей шестерки, мои предположения во многом совпали с реальностью. Надеюсь, что у них все же хватит здравого смысла рассказать мне о том, каким способом неизвестный враг убивает их.

* * *

– Мы догадываемся... – после заметных колебаний все же ответил настоятель. – А, ладно. Мы знаем, как именно убивают наших братьев, но ничего не можем с этим поделать. Убийца входит в наше сознание через сны.

– Не понял... – не было предела моему изумлению. – Что можно сделать человеку через сон? Разве что кошмар наслать.

– Кошмары ведь тоже разными бывают, – философски заметил монах с четками. – Возможно, он умеет управлять

ими, возможно, тут что-то другое. Я не знаю, но и умирать не хочу. Не для того я так долго взбирался на вершину, чтобы сдохнуть в еще столь не старом возрасте.

Да, похоже, с монахов постепенно слезали насквозь фальшивые покровы смирения и человеколюбия... Настолько, что они даже с более низшими по положению членами Ордена переставали играть этаких просветленных и великих отцов-вероучителей. К тому же ну перед кем им здесь притворяться? Передо мной, от души не переваривающим их религию, или перед абсолютно далекой от этих вопросов Люсьен? Смешно... Разве что бедняга Симон от изумления раззявил рот почище бегемота, но его смятенные чувства тут явно никого не волновали.

– Короче говоря, мы и сами толком ничего не знаем, – развел руками настоятель. – Единственное, что мы можем противопоставить магической атаке – держать защиту на территории этого зала. И еще... Впрочем, вас это никак не касается. А сейчас я вынужден попросить вас покинуть это помещение, мы не в силах обеспечивать должную защиту, когда тут слишком много посторонних. Брат Симон проводит вас в гостевые комнаты. Заходите с утра... Если сможете.

«Вот засранцы», – думал я, покидая столь негостеприимное общество. Они ведь абсолютно сознательно отгородились магической защитой от окружающей опасности, оставив всех нижестоящих членов Ордена на произвол судьбы. Поэтому нас так быстро и выпроводили – наверняка их за-

щита накрывает всех находящихся в помещении, но с увеличением числа людей теряет мощностъ. А настоятель почти стопроцентно уверен, что мы не доживем до утра. Приятно будет разочаровать его в этом заблуждении.

* * *

Комнаты, предназначенные для гостей, оказались невдалеке от зала, где засели насмерть перепуганные руководители Ордена. Как оказалось, нам выделили аж целых две комнаты, хотя на мой взгляд, хватило бы и одной. Обстановка в них оказалась вполне пристойной, также присутствовали телевизор, небольшой холодильник и даже бар. Судя по всему, далеко не все попадавшие сюда гости придерживались монашеского аскетизма.

Говоря же честно, и сами монахи, не считая послушников и прочую массовку, аскетизмом не очень страдали. Бывало, помотришь на церковных иерархов во время поста, и диву даешься, до чего же их, несчастных, пост замучил. Аж рожи в телевизоре не помещаются...

Симон, показавший нам отведенные комнаты, хотел было удалиться, но был пойман мною для уточнения некоторых, оставшихся неясными деталей. Вид у него был не слишком счастливый. Ну, да это ничего. Зря я, что ли, его шкуру спасал?

– Давай-ка, Симон, для начала разберемся, сколько имен-

но людей числится в вашем монастыре.

– Около двух сотен, – грустно вздохнул тот. – Но вот сколько осталось сейчас, этого не скажет никто.

Густонаселенный монастырь, однако. Но не это главное.

– И второй мой к тебе вопрос. Ваш Орден – это нечто вроде одного из вариантов современных охотников за ведьмами?

– Э... Ну как сказать...

А что тут еще говорить? Иногда подобных заиканий вполне достаточно, чтобы полностью подтвердить правоту высказанной гипотезы. Тем более что все увиденное прямо-таки идеально ложится в такой шаблон.

– Ладно, Симон, я тебя больше не задерживаю, по крайней мере на сегодня. Завтра же буду эксплуатировать по полной программе, надо же мне выяснить истоки творящихся тут безобразий. – Заметив отблеск радости на его простецкой физиономии, я добавил: – Не ради вас стараюсь, не надеюсь, просто так масть легла. Я в одной упряжке с церковниками... Куда катится этот мир?!

С этими словами я захлопнул дверь прямо перед монахом, оставшись, наконец, в тесной и приятной компании с Люсьен. Впрочем, через некоторое время она все же отправилась в соседние гостевые апартаменты, мотивировав это тем, что хочет некоторое время побыть в тишине и покое. Что ж, трудно ее не понять – слишком много обрушилось на ее хрупкий девичий организм. Удостоверившись, что она за-

перла дверь, я вернулся к себе. На меня навалилась неимоверная усталость, словно ватным коконом окутавшая с ног до головы, мешающая мыслить и наполняющая все до одной мышцы свинцовой тяжестью. Остатка сил хватило лишь на то, чтобы запереть дверь и положить под подушку снятый с предохранителя пистолет.

Глава 3. Перекрестки иллюзорного бытия

Проснулся я от резкого ощущения какой-то неправильности в окружающей меня действительности. Странно, вроде опасности не чувствуется... В комнате все тихо и спокойно, никто не караулит за дверью с топором, не слышно криков, да и гипнотического воздействия на мозг не ощущаю. Осторожно, не открывая глаз и не шевелясь, пробую просканировать комнату на предмет незваных гостей. Хотя я и не большой специалист в биолокации, но проверить два десятка квадратных метров – не великая сложность. Тихо, нет ни малейших поводов для беспокойства. Напротив, чувствуется умиротворенность от тепла прижавшейся ко мне девушки...

Девушки! От неожиданности я чуть было не лопухнулся. Еще немного, и пошевелился бы, выдав свое пробуждение. Я же закрывал дверь, так как бы сюда попала эта неизвестная гостья? Мало того, биолокация не показала наличия в комнате живых существ, кроме парочки тараканов по углам.

Стоп... Биолокация на то и «био», чтобы четко разделять живое и неживое. Похоже, на меня свалилась очередная неприятность. Пистолет, конечно, под подушкой, но достать его незаметно вряд ли получится – неизвестная гостья примостилась аккурат на то самое место, где он лежит. Нож далеко, лежит себе спокойно на прикроватной тумбоч-

ке, об этом варианте не стоит и мечтать. Зато старая надежная бритва способна переменить ситуацию в мою пользу.

Тут мне на руку сыграл годами выработанный рефлекс – постоянно держать эту маленькую стальную игрушку в нарукавных ножнах. Ножны же – шедевр конструкторской мысли. Для того чтобы достать бритву, не требуется извлекать ее другой рукой. Достаточно лишь строго определенного сокращения мышц, и неприятный сюрприз противнику обеспечен. Быть может, я и полный псих, постоянно таскать с собой такое количество смертоубийственных игрушек, но зато в таких ситуациях это самая что ни на есть прямая жизненная необходимость.

«Вот так оно и лучше», – подумал я, когда мои пальцы почувствовали успокаивающий холод стали. Теперь, когда мои шансы в случае неблагоприятного развития событий повысились, можно и попытаться прояснить сложившуюся ситуацию. На первый взгляд, в данном положении можно было действовать несколькими способами. Для начала был вариант просто повернуться и посмотреть, что же это за незваная гостья лежит у меня под боком. Но это просто глупо – а вдруг на тебя и так уже пристально смотрят, ожидая лишь твоего пробуждения. Намерения же могут быть самыми разными, и не факт, что моему драгоценному здоровью не будет нанесен непоправимый урон. Отмечаем, пусть на таких штучках фраера попадаются.

Вариант номер два... Имеет смысл попробовать аккурат-

ненько так высвободить придавленную руку, тем самым вернув себе свободу движений, а уж потом переходить в активную фазу действий. Основной недостаток – высокий риск потревожить объект, тем более если за тобой пристально наблюдают. Значит, остается лишь одно – резкий рывок в состоянии полной боевой готовности к адекватному ответу на любое агрессивное действие. Грубо, примитивно, но может и сработать. Итак, три, два, один... Рывок!

Открываю глаза и, к своему изумлению, понимаю, что в комнате по-прежнему темно, ночь еще далека от завершения. Одновременно моя правая рука резко двигается вперед, смыкая пальцы на рифленой рукояти «стечкина». Резкий рывок. Режущий взмах бритвой, прямиком по тусклым глазам того существа, что никак нельзя отнести к живым, но и истинная суть ускользает от понимания. Лишь сейчас мой разум воспринимает то, что было сделано подсознательно, инстинктивно. «Увидишь непонятное – сначала бей, думать будешь потом. Тогда проживешь долго, а иначе прикопают тебя в кустах у дороги», – говаривал мой друг. Не раз я убеждался в его правоте в жизненной круговерти, да и сейчас искренне благодарен полученному совету.

Наверняка и сейчас, лишь только взгляд скользнул по лежащей рядом девушке, инстинкт сработал раньше любых сознательных действий, отдав телу короткую и ясную команду: «Бей!» Ведь с первого взгляда девушка как девушка, каких много. Ну попала каким-то образом в запертую комнату, но

это не повод резать ее бритвой! Так-то оно так, но не в моем случае. Скажите мне на милость, многие ли из ваших знакомых девушек щеголяют с перерезанным от уха до уха горлом? Не шрамом на горле, а именно открытой раной, из которой медленно, крупными черными каплями стекает кровь.

Мое счастье, что я резанул этот оживший труп именно по глазам, лишив существо возможности ориентироваться в окружающей обстановке. С хриплым клекотом, что только и способно было выдать разорванное горло, она наугад рассекала воздух руками, пальцы которых были украшены стальными и на вид очень острыми когтями. Не стоило оставлять ее в таком буйном состоянии, поэтому для охлаждения ее энтузиазма я деловито разрядил половину обоймы, стремясь отделить голову от всего остального. Полезная рекомендация, если хотите отправить на вечный отдых недружественно настроенного зомби, то самый лучший для этого метод – снести ему башку ко всем ангелам.

Конвульсивно подергивающее конечностями тело, фонтанирующее кровью из шейных артерий, уже не представляло никакой опасности, хотя и заслуживало пристального внимания. Несмотря на то что раньше я никогда не сталкивался с зомби, о некоторых приписываемых им свойствах имел неплохое, пусть и теоретическое представление.

Так, например, все оживленные покойники находились в той или иной степени разложения или, по крайней мере, в какой-либо степени мумифицированности. Нормальным

кровообращением не мог похвастать ни один известный экземпляр, чего не скажешь о только что приконченном мною создании. Бросив взгляд на этот донельзя любопытный экземпляр, я аж приоткрыл рот от изумления: тело девушки-зомби словно втягивалось в пол, таяло на глазах. Минута, и от нее остался лишь череп, в центре лобной кости которого зияло входное пулевое отверстие. В голову так и лезла мысль, что это некий утешительный приз, преподнесенный мне как военный трофей. Кто же это у нас тут резвится со столь экстравагантным чувством юмора? Поймаю, яйца в мясорубку засуну и проворачивать буду в медленном темпе, чтобы поорал подольше.

Ладно, не пропадать же добру. Череп я все же взял и положил его прямо на подоконник, пустыми глазницами к ночному пейзажу за окном. И все же, несмотря на все мои шуточки, положение складывалось не самым лучшим образом. Теперь понятно, как именно могли быть уничтожены некоторые из монахов, затворившихся в своих комнатах.

Мать вашу, ну я и склеротик! Ведь и в комнату к моей подружке могло просочиться нечто подобное, а у нее, к огромному сожалению, нет нужного опыта поведения. Сожрут ведь, только кости выплюнут. На скорую руку одевшись, я рванул к двери, но увы, моему благородному стремлению был дан разворот на сто восемьдесят градусов. Эта поганая дверь оказалась закрыта на манер тех, что не давали выйти из монастыря.

Чем дальше в лес, тем толще партизаны. Именно так гласит народная мудрость. Что ж, раз я закрыт в столь небольшом пространстве, то надо бы изучить все здесь присутствующее самым тщательным образом. Вдруг да удастся для начала выбраться хотя бы из комнаты. А комната-то странно-ватая, и это я еще преуменьшаю. Нечто похожее я видел, когда обследовал обиталище спятившего монаха, Марка, что ли. Фантасмагоричное оформление интерьера давало о себе знать и здесь. Могу поклясться, что небольшой статуи горгульи, раскинувшей крылья цвета грозовой тучи над оконным проемом, раньше не наблюдалось.

Интересный коктейль из безумных составляющих: исчезающие трупы, неведомо откуда появляющиеся предметы, не совсем материальная дверь и прочие прелести. Материальный мир, поскуливая, как побитая собачонка, словно уполз в самый темный угол, оставив мистике все видимое пространство. Спектакль, поставленный неизвестным режиссером, продолжается, затягивая в себя всех, оказавшихся в опасной близости к месту проведения гастролей.

Настроение несколько улучшилось, и, взяв свой законный трофей, то есть череп с пулевым отверстием во лбу, я подкинул его в воздух. Почему мне пришла в голову эта идея? Не знаю, может быть, просто интуиция. Взлетевший в воз-

дух череп внезапно несколько изменил траекторию полета, оказавшись в непосредственной близости от горгульи. Искусно вырезанная из черного обсидиана статуя расправила крылья и с торжествующим воем пнула черепашку ногой таким мощным ударом, что сделал бы честь любому профессиональному футболисту. Импровизированный футбольный мяч с треском врезался в стену комнаты и взорвался.

Да полноте, взрыв ли это? Ни осколков, ни ударной волны – ничего этого не наблюдалось. Лишь яркая вспышка, на мгновение осветившая не только ограниченное пространство комнаты, но и словно бы отобразившая вид всего монастыря в очень необычном ракурсе.

Это был не примитивный двухмерный план и даже не трехмерная голограмма. Скорее увиденное можно было сравнить со сложнейшей конструкцией, для описания которой не хватало не то что известных терминов, а даже интуитивных представлений. Переплетенные нити нашего мира, свитые в запутанный клубок, щедро разбавленные вкраплениями абсолютно иной, нематериальной составляющей. Красота и опасность, разум и подсознание – все это вспыхнуло перед глазами на один миг и исчезло, оставив лишь проем в стене, затянутый слабо сияющей завесой, где переплелись кровавые и черные оттенки. Неужели это выход? Вот только куда...

Тут завеса покрылась рябью, словно от легкого ветерка, и оттуда появился аморфный силуэт, больше всего похо-

жий на человеческую тень, оторванную от прежнего хозяина. А с этим чучелом как прикажете бороться? Я, конечно же, автоматически направил в его сторону пистолет, но сомнительно, что абсолютно нематериальному созданию могут причинить вред обычные пули. Те же немногие магические приемы, которые были в моем арсенале, годились исключительно для воздействия на людей, на их сознание.

Увы, сейчас слишком сложно найти действительно серьезные оккультные знания, они погребены в глубине веков. Немногие хранители древних знаний слишком закрыты, лично я пока не смог отыскать тех, кто поднялся над самыми начальными ступенями оккультных знаний. Пришлось ограничиться по большей части самообучением по гримуарам и трактатам, покрытым пылью веков.

Однако тень не проявляла пока что никаких признаков враждебности, напротив, подняла руку открытой ладонью в мою сторону. Неужто хочет о чем-то поговорить? Лично я не против. Вот только каким образом беседовать, для воспроизведения звуков у этого создания нет речевого аппарата. Или все-таки есть? Хотя зачем ломать голову над философскими вопросами, если можно просто попробовать ментально прощупать сознание тени. При первом же прикосновении к разуму этого загадочного создания в моей голове будто прозвучал тихий, шелестящий голос:

– Рад приветствовать тебя, гость, в этом замке. Чувствовать себя как дома не советую. Сожрут...

– Спасибо, без вашего предупреждения я бы никак об этом не догадался, – иронически раскланялся я перед тенью. – Кстати, можешь звать меня Пепел или просто Эш, а вот как к тебе обращаться?

– Тень. Это наиболее близкое определение моей сущности. Я всего лишь тень того, что было когда-то и, возможно, станет кем-то в будущем.

А собеседник мой оказался философом, если, конечно, понятие мужского пола применимо к Тени. Все мы балансируем на тонком лезвии настоящего, по обеим сторонам которого находятся две бездонные пропасти – прошлое и будущее.

Прошлое нам известно, мы знаем о нем многое, но никто, даже самые великие силы не в состоянии изменить уже случившееся. Будущее же представляет собой бесконечность возможных вариантов развития событий, знать о которых нам не дано, можно лишь предполагать о них с большей или меньшей степенью вероятности. Плюньте прямо в наглую морду тому, кто скажет вам, что в силах непреложно предсказать грядущее. Даже самые известные предсказатели могут лишь дать нам сведения о наиболее вероятных вариантах развития событий и подсказать, что именно надо сделать, чтобы воплотить наиболее предпочтительный из них.

– Так о чем будем говорить, Тень? О причинах возникновения столь оригинального конструкта на месте монастыря? Или же о том, возможно ли в нашем мире проявление магии

таких экстравагантных форм? Впрочем, я не собираюсь навязывать тебе тему беседы – это право хозяина.

– Хозяина... – Тень сделал движение, которое у обычного человека могло бы сойти за пожатие плечами. – Слишком сложный вопрос, на который я вряд ли в состоянии ответить. А вот устроить тебе экскурсию по здешним лабиринтам вполне в моих силах. Ну как, согласен?

Вопрос был из разряда тех, ответа на которые особенно и не требовалось. Мне оставалось лишь кивнуть, подтверждая свое согласие прогуляться в компании ворона здешних мест. В моей голове прозвучал раскатистый смех. Аморфная, колышущаяся фигура Тени превратилась в туманный вихрь и беззвучно скользнула внутрь меня.

– Ты где? – в моем голосе было лишь безграничное изумление.

– Здесь... Везде. Нигде! – неприкрыто заржал Тень, судя по всему, обосновавшийся где-то на периферии моего сознания. – Я же не столько личность, сколько своеобразный дух этого места. Мне удобнее находиться внутри тебя, чем затрачивать усилия на поддержание подобия материальной формы. Ну, давай же, прыгай в портал, а то ждать надоело.

Ага, как только так сразу! Для начала надо проверить, все ли мои полезные шмотки в наличии. Вроде все – бритва в нарукавных ножнах, парочка метательных ножей, боевой кинжал с обоюдоострым лезвием и пистолет с одной целой и одной почти разряженной обоймой, в которой всего четыре па-

трона. Теперь можно и в портал. Вхожу, всем телом ощущающая, с какой неохотой пропускает меня красно-черная вуаль, сплошь затянувшая портал. Ведущий куда? Кто его знает, главное, что он ведет вовне этой маленькой комнаты, столь похожей на одиночную камеру, пусть даже и комфортабельную. Мгновение непроглядной тьмы, и мир вновь появляется передо мной, играя красками звездного ночного неба.

Глава 4. Кладбищенские пляски

Я обнаружил себя стоящим перед воротами, ведущими в монастырь. Вроде бы все было как раньше, но существовали и некоторые отличия. Ворота были украшены изображениями показательных казней грешников во имя торжества исповедуемой веры, штыри ограды же больше всего напоминали копыя, на которых злобно ощерились полусгнившие головы и просто побелевшие от времени черепа. Ясно было, что ничего еще не кончилось, неведомая игра только набирала обороты. Ничего не поделаешь, если уж взял карты в руки, так играй, предварительно постаравшись набрать побольше сильных карт. Главный приз игры – жизнь, правила же просто отсутствуют как таковые.

Внезапно прорезался голос Тени:

– Ну что, Эш, как тебе декорации? Или, может быть, вовсе не декорации, а истинное отображение сути этого места. Интересно, что бы подумали неофиты, увидев цитадели своей веры в таком или же подобном изображении? – мне послышалась глумливая усмешка Тени. – Убежали бы, болезные, в ужасе, нажав в штанишки от страха. Эх, не любят люди видеть окружающую их действительность в истинном свете, предпочитая смотреть на мир через розовые очки, успокаивая себя иллюзиями. Что скажешь, приятель?

– Тень, не изображай наивность, тебе это явно не к лицу,

если оно у тебя вообще есть. Возьми первых десятиерых попавшихся людей и покажи им две картины мира – истинную и ту, к которой они привыкли. Как минимум девять из десяти будут руками и ногами отбрыкиваться от подлинного облика окружающего их мира и упрямо цепляться за иллюзии, столь близкие и дорогие их душе и сердцу. Да что там внешняя составляющая, подведи их к зеркалу и заставь этот кусок стекла показать отражение не тела, но души...

– «Портрет Дориана Грея», это бессмертное творение Уайльда? – в реплике Тени звучало скорее утверждение, чем вопрос.

– Ага, он самый. Ставлю пуд золота против дырки от бублика, что все те же девять десятых возмущенно и протестующе заорут нечто вроде «я не такая, я жду трамвая», вместо того чтобы вдумчиво изучить самих себя. Ну не нравится тебе твой истинный облик, так измени его, а не закрывай на это глаза на манер одной из трех китайских обезьянок.

Поразительна человеческая склонность к лицемерию, не поддается она измерению и предела не имеет! И добро бы еще была направлена на околпачивание других ради каких-то серьезных целей, но ведь зачастую обманывают лишь самих себя. Смысла в этом не больше, чем в бесплодных попытках изобретения вечного двигателя, а все стараются...

– Ну а сам ты разве не скрывал своей истинной сути? – полюбопытствовал Тень. – Извини уж, но никак не верится, на чистенького и светленького ангелочка ты никак не тя-

нешь, наверняка у тебя имеется хар-рошая коллекция скелетов в шкафу.

— А на кой мне скрывать хоть одну черту своего характера, скажи на милость? — огорошил я вконец обнаглевшего духа. — Да будет тебе известно, что наглость — второе счастье, плавно переходящее в первое достоинство. Мне искренне и глубоко плевать, что именно подумает о моих моральных и этических нормах все это обывательское окружение. Однако я четко придерживаюсь того кодекса чести, что раз и навсегда установил для себя. В остальном же... — последовал небрежный взмах рукой. — Иногда даже весело наблюдать за человеческой реакцией.

Тут мне вспомнилось одно мероприятие, на которое я попал абсолютно случайно, оказавшись в совершенно чужеродной компании. Так там зашел разговор о терпимости и толерантности к умственно отсталым. Говорили о том, что государству надо вкладывать деньги в реабилитационные центры, искать им подходящую работу и т. д., и т. п. Я же, ничтоже сумняшеся, с присущим хамством высказал то, что думаю, нисколько не стараясь соответствовать общепринятым тенденциям в этой области. Дескать, если уж у государства имеются лишние деньги, то вложите их во что-то стоящее, в науку, в армию или в культурную сферу.

А уж если хотите помочь больным, то направьте средства нормальным людям, волею случая попавшим в беду: покалеченным на войнах солдатам, пострадавшим от стихийных

бедствий или вроде того. Но вот выкидывать средства на поддержку всяких даунов, дебилов и прочих умственно неполноценных – полный маразм.

Ох, какой тут поднялся вселенский визг и писк... Как только меня ни пытались оскорбить, называли и ретроградом, и пережитком средневековья, и недостойным жить в правовом демократическом государстве. Глупые, доверчивые собачонки с жидкой водичкой, текущей по жилам вместо крови, они всерьез полагали, что заденут меня своими высказываниями. Вот если бы они начали хвалить меня за схожий с ними образ мыслей и достойные стремления на пути к гражданско-правовому обществу, тогда бы я всерьез обеспокоился своим психическим состоянием.

Я лишь смотрел на них, столь непохожих на моих друзей, со странной смесью жалости и брезгливости. Тяжелые времена ждут страну, где на смену сильным характерам, готовым порвать в лоскуты любого врага, внешнего или внутреннего, приходят бледные немочи, обеспокоенные лишь правами человека. Ах да, еще для них чрезвычайно важно получить одобрительный кивок от светочей заокеанской демократии, чьими преданными холоуями они были, есть и будут.

– Ну все, хватит воспоминания минувших дней у себя в башке прокручивать, – как всегда бесцеремонно встрял Тень. – Этим делом лучше заниматься в спокойной и безопасной обстановке, но никак не здесь и не сейчас. Пошли лучше вон туда, по той самой заросшей тропке.

– Это с какой стати, мон шер ами, что я там потерял? Мне, знаешь ли, надо внутрь монастыря, там до сих пор моя подруга загорает в недружественном окружении. Если бы не она, я бы просто слинял отсюда на безопасное расстояние. Тоже мне, нашел рыцаря с лифчиком прекрасной дамы на копье! Опасностей тут хватает, а вот толку... маловато будет.

– Хм, не так все просто, как могло бы показаться. Хрен ты отсюда выберешься в настоящий момент времени. Это же не реальный мир, а скорее несколько измененное его состояние, нечто среднепромежуточное между сном и явью. За пределами монастыря и его окрестностей просто ничего нет, есть лишь искривленное псевдопространство, которое вновь приведет тебя к входным воротам. Так что давай-ка вперед по тропиночке, ведущей на кладбище... Ой, я дико извиняюсь за столь двусмысленный речевой оборот, просто действительно эта дорожка выведет прямиком на монастырское место вечного покоя. Да, идти туда стоит не только любопытства ради, но и весомой пользы для.

* * *

Кладбище явно не подходило под столь привычное определение, как «место упокоения». Скорее уж его можно было определить как область повышенного беспокойства. Беспокойство проявлялось как со стороны живых, так и со стороны покойников, недовольных вторжением в их частные

владения. К живым с первого взгляда я отнес троицу монашей, вооруженных лопатами и всецело поглощенных земляными работами. Но какого лешего им так срочно понадобилось раскапывать старые могилы? Землекопы-любители были столь увлечены своим общественно бесполезным делом, что даже и не заметили моего к ним приближения на весьма близкое расстояние.

Вид у работников лопаты был, прямо скажем, не цветущий, одежда выглядела так, словно ее долго и вдумчиво обваливали в земле и никогда не чистили. Спутанные и перепачканные грязью волосы наводили на мысль о том, что их обладатели дали обет не мыться до скончания веков.

– Простите, достопочтенные, что отвлекаю вас от столь интригующего занятия, но не могли бы вы уделить мне минутку своего драгоценного времени?

– Ну ты и дурак, – тяжело вздохнул Тень. – Иногда вежливость бывает абсолютно излишней, и сейчас как раз такой случай.

Сначала я не понял смысл этого комментария, но замешательство длилось недолго – всего лишь до той поры, пока все трое могильщиков не повернулись ко мне своими симпатичными мордами. Интереснее всего было то, что зыркали они на меня вполне осмысленно, несмотря на отсутствие глаз как таковых. Из глазниц тонкими ручейками осыпалась земля, а у одного из того места, где должен был быть глаз, на меня с любопытством уставился жук-навозник. Похоже, я все-

рьез заинтересовал этих подпорченных разложением индивидов, поскольку один из них хрипло проорал что-то нечленораздельное, указывая на меня пальцем. Нет, возможно, он всего лишь хотел сказать своим корешам: «К нам гость пришел, накормите, обогрейте и ответьте на все вопросы».

Увы, его монструозная харя никак не могла меня настроить на дружеский лад. Пистолет выплюнул три пули подряд, разнесшие подгнившую голову неудачливого оратора. Оскорбленные таким грубым отношением к товарищу по могиле, двое оставшихся ринулись на меня с неожиданно быстрой скоростью. Неужели несколько подгнившие мышцы не мешают им передвигаться?

Уйдя из-под удара лопаты перекатом влево, я ответил выстрелом в голову. К сожалению, поганая гнилушка успела заслониться лопатой, от которой пуля и срикошетила. А вот это тебе нравится? Две пули раздробили коленные чашечки виртуоза лопаты, переведя его из разряда мобильной пехоты в малоподвижное вспомогательное соединение. Как оказалось, лопата может служить и метательным оружием – оставшийся на ногах противник использовал ее в качестве импровизированного копья. Увернуться удалось с большим трудом, аж суставы жалобно хрустнули от резкого рывка в сторону.

Оставшись без оружия, живой покойник проявил недюжинное для своего вида здравомыслие и резво метнулся к первому упокоенному мной, мечтая завладеть оставшимся

наследством в виде лопаты. Оно и понятно, против пистолета у него не было никаких шансов. Видимо, при жизни он занимался боевыми искусствами, поскольку довольно грамотно «качал маятник», уходя от пуль. Но пятая пуля его все же достала, как водится, пущенная в единственно уязвимое место зомби – в голову. Покойся без мира, гнусная образина!

Осталось только добить подранка, что я и сделал, снеся ему голову остро отточенным краем лопаты, позаимствованной в качестве подсобного средства. Вроде все, вот только вызывает некоторое беспокойство тихий скрежет, доносящийся из-под земли, кем-то основательно взрыхленной и перекопанной. Впрочем, кто копался в земельке, вопрос сугубо риторический. Вон они, копатели хреновы, валяются теперь уже в неизлечимо дохлом состоянии.

– Молодцом поработал, – вновь прорезался уже изрядно надоевший голос Тени. Хорошо еще, что во время боя под руку не лез, отвлекая от проблем насущных. – Нечасто приходится наблюдать столь грамотное и безэмоциональное обращение с ожившими мертвецами. По всем признакам, ты и раньше сталкивался с этим подвидом хищной фауны?

– Да нет, не доводилось, о чем несколько не жалею. Ты мне лучше вот что скажи, советник местного значения... Что я забыл здесь, почему кладбище оказалось столь густонаселенным и что это за скрежет под ногами, подозрительно напоминающий попытки очередных зомбаков выползти на ночной мотон?

Ведя оживленный диалог с Тенью в надежде все же выяснить у этого пройдошистого духа нечто полезное, одновременно я дополнял изрядно опустевшую обойму «стечкина» теми патронами, что еще оставались в запасной. Картина была довольно безрадостная – одиннадцать плюс четыре равно пятнадцать. Полтора десятка патронов, всего лишь неполная обойма. Зато неприятностей впереди, чувствует мое сердце, не расхлебать не то что половником, а даже ковшом самого большого экскаватора.

После недолгой паузы Тень таки да, соизволил выдать очередную порцию информации. Правда, не сказать, что сильно большую. Оказалось, на одном из участков этого уголка, «приятного» во всех отношениях, располагался вход в туннель, ведущий в монастырь. Была, однако, одна маленькая проблема – у Тени наблюдались симптомы склероза или просто повышенной пакостности, что в данной ситуации однохренственно. Эта зараза напрочь открещивалась от того, что знает точное месторасположение подземного хода. Судя по его ехидным комментариям, он предлагал мне войти в роль фаната-огородника и перекопать все кладбищенские окрестности. Скотина!

Ах да, еще он озадачил меня ограниченным временем на выполнение этой почетной миссии. Я был «порадован» известием, что выдвинутая догадка относительно подземного скрежета верна на все двести процентов. Зомби, пока еще находящиеся под землей, действительно собирались выполз-

ти на свежий воздух. Заодно и совместить ночной моттон с легким пикником, главным блюдом которого они наверняка захотят назначить мою персону. Нет, хрена с два это у них получится, но все равно неуютно как-то.

– Слушай, Тень, пошло бы это кладбище за компанию с подземным ходом под хвост всем обитающим тут зомби. Гораздо проще будет войти в здание через парадный вход. Или ты будешь меня уверять, что вход там тоже стережет пара десятков проголодавшихся живых мертвецов?

– Чего нет, того нет, врать не буду. Зато имеется парочка сильно трансформированных привратников, неплохо владеющих магическими приемами ведения боя. Сомнительно, что тебе захочется вступить с ними в честный и открытый бой.

Невесело, однако. Хотя если уж совсем прижмет, можно попробовать прорваться через привратников, но для начала все же стоит последовать совету Тени и попытаться отыскать подземный ход. Перекапывать все кладбище я, конечно, не намерен – мартышкин труд, а вот прокачать логически, где может скрываться искомая штука, для меня вполне приемлемый вариант.

Итак, где теоретически может располагаться это место? А где угодно, особой разницы нет. Вот только есть один маленький нюанс – сам выход должен располагаться так, чтобы его не засыпало землей, значит, должен быть либо люк, либо он находится в одном из двух склепов.

Вновь окинув взглядом основательно перерытую землю кладбища и для очистки совести пройдя по всей его территории, я без колебаний отбросил идею о существовании люка. Иногда и от зомби бывает польза, особенно от тех, кто с таким усердием проводит земляные работы. Остается лишь обыскать склепы.

Спускаюсь в первый из них, построенный давно, очень давно. Ступени уже выкрошились, и мелкие камешки с тихим шуршанием осыпаются из-под моих сапог. Темно, как у негра в жопе, огонек зажигалки лишь самую малость помогает ориентироваться. Тишина и покой, сразу вспоминается фраза, изреченная одним из древних мыслителей: «Сик транзит gloria мунди». И действительно, до чего же быстро проходит слава земная. Вроде бы старались, устраивали себе величественные склепы, но кто помнит их имена, кроме нескольких специалистов по истории да пары могильщиков, изредка наводящих некое подобие порядка? Память людская слишком непредсказуема и порой выкидывает такие коленца, что и представить трудно.

А, ну их всех в далекую эстонскую даль. Ясно одно, в этом склепе нет ничего, кроме истлевших костей. Без сожаления покидаю это место, пытаюсь хоть как-то отряхнуть шмотки от въевшейся пыли.

Что я вижу? Никак в мое отсутствие на кладбище произошло резкое оживление, что не есть хорошо! На пути к оставшемуся неосмотренным склепу пришлось срубить мимохо-

дом подобранной лопатой несколько рук, высунувшихся из земли. Если подземного хода в склепе не окажется, то окажусь я в замазке по самые уши, ибо прорываться к центральному входу через толпу проголодавшихся тварей – не шибко приятное времяпровождение.

Вы только посмотрите! Для разнообразия на моем пути попался приятный сюрприз. Войдя в склеп, обнаруживаю, что дверь можно задвинуть на засов с внутренней стороны, каковой возможностью без зазрения совести и воспользовался. Сразу два обнадеживающих аспекта – непрошенные гости не нагрянут во время обыска, да и само наличие расположенного *внутри* склепа засова наводит на некоторые размышления. Ну зачем, скажите на милость, запирает изнутри обычное место упокоения, и кто это будет делать? Слабо верится в желание кого-либо посидеть пару часиков среди гробов, при этом закрывшись изнутри. Однако такой оборот вполне оправдан, если здесь скрывается туннель, ведущий к монастырю.

* * *

Этот склеп был не в пример новее и ухоженнее предыдущего, мне даже не пришлось подсвечивать дорогу той пародией на свет, что мог выдать огонек зажигалки. На полочке у входа лежали несколько мощных электрических фонарей, один из которых я и приватизировал. Яркий луч света вы-

хватывает из темноты внутреннее убранство склепа. Оп-па, а вот, похоже, и искомая дверца. Она немного приоткрыта, поэтому удастся разглядеть уходящий вдаль узкий ход. Надеюсь, что он приведет меня в нужное место, а не в чулан, где строители сего сооружения сложили оставшийся после работы строительный мусор и старые грабли.

Его выдал острый запах, но никак не неуклюжее поведение – этот тип сидел за дверью тихо, как мышь под метлой. Станный такой аромат, чем-то напоминавший о ликере «Амаретто» или о цветущем миндале... Я аккуратно положил фонарь на ближайший каменный гроб так, чтобы падающий луч освещал дверной проем. В такой ситуации полезно обе руки иметь свободными.

– Тень, – мысленно позвал я. – Пошарь по закромам своей памяти, кто из здешних обитателей благоухает цветущим миндалем?

– Есть тут один такой, – несколько сконфуженно ответил тот. – Но каким ветром его сюда занесло? По всем раскладам, он должен был стеречь туннель со стороны монастыря. Может быть, решил проявить инициативу, хотя не берусь утверждать. Кстати, очень опасная тварь. Уверен, что ты помнишь, какая опасность пахнет миндалем.

Все страньше и страньше, как говорила Алиса, решившая на собственном опыте проверить, как глубока кроличья нора. Опасность, имеющая острый миндальный запах, это цианид. Ничтожное количество вещества, попавшее внутрь –

безусловно смертельно.

Скорее всего, существо, окопавшееся в засаде, имеет ядовитые клыки или когти, и подпускать его на близкую дистанцию форменное самоубийство. Любыми способами нужно выманить его, заставить проявиться в прицеле пистолета, да так, чтобы даже будучи основательно продырявленным, он не дотянулся до меня в предсмертном броске. Брошенным в проем булыжником тут явно не отделаешься, подобная дешевка прошла бы с безмозглым зверем, но никак не с обитающими тут субъектами. Злобные, опасные, но термин «слабоумные» к ним никак не относится.

Придется запускать обманку – энергетического двойника, в полумраке вполне способного ввести в заблуждение. Не люблю я эту технику, возможно, исключительно из-за того, что плоховато ею владею, но не люблю. К тому же энергию она жрет, как алкаш ханку, башка после кружиться будет, и ноги как две чугуны. А что тут сделаешь, хочешь не хочешь, другого выхода лично я найти не могу. Только я начал концентрировать необходимое количество энергии и формировать из нее свое подобие, как раздалось вежливое покашливание Тени:

– Извини за вмешательство, но ты тут, кажется, приманку пустить вперед себя собрался? – не дав мне ответить, он продолжил: – Не отвлекайся, ход правильный, вот только энергии у тебя на это благое дело не так чтоб сильно много. Потом с часок будешь как выжатый лимон.

– Есть другие варианты? – огрызнулся я, пытаюсь не напортачить в процессе создания конструкта.

– А то нет... Сейчас я постараюсь передать тебе некоторое количество энергии. Не очень много, но в своем нынешнем состоянии это тот максимум, что можно передать другому. При таком варианте ты, по крайней мере, не будешь валиться с ног от усталости.

Откуда-то извне в меня хлынул поток энергии, вмиг заполнивший оболочку создаваемой приманки, а заодно подействовавший как великолепный стимулятор. Ничего себе немного! Столь бодрым и полным сил я себя давненько не чувствовал. Теперь можно и запускать «двойника», вынуждая засевшего в засаде проявить свое присутствие и подставить тушку под ствол пистолета.

Приманка беззвучно направилась в сторону двери. Увы и ах, но создавать подобные конструкции со звуковыми эффектами у меня не получалось, вся надежда на то, что тварь спишет этот факт на умение бесшумно передвигаться. Ага, так оно и вышло! Лишь только конструкт оказался в двух шагах от двери, как навстречу ему плавно скользнула угловатая изломанная фигура, которая могла оказаться лишь порождением безумных грез обдолбавшегося нарика. Больше всего существо походило на помесь человека и дикобраза. От человека ему достались общие контуры фигуры, а от дикобраза – иглы, покрывающие все тело, от которых и исходил одуряющий миндальный аромат. Пальцы рук заканчивались

длинными серповидными когтями-кинжалами, вне всякого сомнения также отравленными.

Попав в его нежные и ласковые объятия, приманка просто распалась, заставив колючего террориста впасть в замешательство, пусть всего лишь на секунду. Вполне достаточно, чтобы всадить несколько пуль в его покрытую иглами голову, после чего уйти в перекате под надежное прикрытие каменной гробницы. Переводя дыхание, я прислонился спиной к прохладному камню, с удовольствием слыша агонизирующий рев твари под аккомпанемент треска и шуршания его игл.

Лишь только звуковое сопровождение приказало долго жить, я со всей возможной осторожностью высунулся из-за надежного укрытия. Подобие мутировавшего дикобраза бездыханной грудой валялось неподалеку от двери, в дохлом виде потерявшее весь свой угрожающий облик. А вот иглы, торчащие в передней стенке той гробницы, где я отсиживался от праведного гнева подстреленной твари, меня неприятно поразили. Выходило, что дикобраз-переросток оказался еще и стрелком, а учитывая его повышенную ядовитость... Надеюсь, что других таких тварей мне не встретится.

Пинать столь колючего покойничка в качестве моральной компенсации за доставленные неудобства было неразумно, поэтому пришлось обойтись без прощальных знаков внимания. Подобрал фонарь, я вошел в ведущий к монастырю (хотелось бы верить, что именно туда) подземный ход.

Глава 5. Грани нереальности

Медленно продвигаясь в сторону монастыря по столь предусмотрительно проделанному туннелю, я продолжал размышлять о тех существах, с которыми я уже успел встретиться, и о тех, с кем еще не успел, но вполне могу пересечься в ближайшем будущем. Надо признаться, что мысли эти были не самой радужной окраски.

– Тень, где ты там, персональная паранойя? Ответь мне вот на какой животрепещущий вопрос... Обитающие здесь, в этой не совсем реальной местности, существа настроены столь агрессивно ко всем подряд?

– Хороший вопрос, заслуживающий развернутого ответа, – в голосе Тени звучало одобрение. – Понимаешь, все эти создания являются своеобразными посмертными слепками тех, кто уже умер, не в силах противостоять измененной реальности Замка. Как ты понимаешь, все они являются монахами, членами Ордена Лазурного Света, что окопался здесь уже много лет тому назад. Ты ведь разговаривал с некоторыми из них, не так ли?

– Было дело. Неприятные субъекты, в особенности те шесть типов, что окопались в каком-то зале под магической защитой. Но при чем тут это?

Я действительно не понимал, какая связь может быть между населяющими монастырь живыми людьми, их посмерт-

ными отображениями и злобным настроением существ той реальности, где я нахожусь в данный момент. Впрочем, Тень как раз и собиралась разрешить эту загадку.

– При всем при том при самом, – видно, это была большая мозоль Тени, поскольку он шипел, словно гадюка, которой наступили на хвост. – Шесть монахов, с которыми ты пообщался, осуществляют руководство всей местной богадельней. Они неплохие маги и смогли понять часть принципов той системы чар, что должна была их уничтожить. Поставленная ими защита прямое тому подтверждение. Мало того, они теперь научились удерживать осколки личностей некоторых из уничтоженных, пользуясь ими как инструментами здесь, в этой грани реальности.

– А может быть, грани ирреальности?

– Можно выразиться и так, суть не в том. Будь уверен, если бы на них наткнулся кто-либо из членов Ордена, они бы не проявляли ни малейшей агрессии, будучи во всем покорны воле своих хозяев, коими являются те шестеро. Соответственно, твое здесь пребывание для той шестерки – все равно что ведро скипидара под хвост. Самое для них страшное – если чужой для их Ордена сможет понять весь смысл происходящего...

Тут Тень резко осекся, словно сказал нечто не предназначенное для меня. Что ж, учтем. Но он и так сказал много интересных фактов, вполне достаточно на первое время. Ничего, я еще из него вытрясу все нужные сведения, а по-

ка... Пока что я добрался до плиты, за которой, по всем раскладам, должен находиться тайный вход в монастырь. Аккуратно, со всем пиететом отодвигаю плиту, к моему крайнему неудовольствию при этом нехитром действии издающую визг и скрежет. Неужели сложно держать потайной вход в пристойном виде, маслом петли смазать, к примеру? Со всем обнаглели, даже о собственной безопасности думать позабыли. Вот и поделом, что на них свалились все мыслимые и немыслимые неприятности как достойное наказание за лень и беспечность.

Ясно было, что незаметно и неслышно пробраться не удалось. Пришлось что есть силы толкнуть плиту и метнуться в открывшийся передо мной коридор в надежде, что в округе обитает не слишком много нежелательных элементов. Пронесло! Коридор был пуст, как мозги членов правительства во время принятия важного решения.

– Тень! Куда меня занесло, в какую часть здания и как добраться до гостевых комнат?

– Ох уж эта любовь, – хмыкнул в ответ мой персональный экскурсовод и советчик. – Гляжу на тебя и удивляюсь, неужели ты, по моим прикидкам хам и циник, можешь испытывать столь возвышенное чувство?

– Какие чувства, балбес призрачный, – я едва сдерживал смех. – Люди, подобные мне, непригодны для восприятия подобных чувств. Просто по моему личному кодексу чести никак нельзя бросать своих в беде, вот и все.

– Ну, это мне понятно, кодекс чести – единственное, на чем все мы держимся, в отличие от того же Ордена. Вот у них честью даже не пахло, лишь догматы и фанатичное исполнение приказов у низшего звена, да и начальники их недалеко ушли. Да пошли они все... в небесную канцелярию. Мы сейчас находимся в полуподвальном помещении. Коридор одним концом направлен на монастырскую кухню, другой же путь выведет тебя прямым ходом во входной зал. Туда тебе соваться, наверно, не стоит. Привратники никуда оттуда не исчезли. Так что иди-ка ты... в кухню. Там грузовой лифт есть, на нем можно на второй этаж подняться.

Иногда неврдно послушаться и пойти туда, куда тебя послали. Вот я и пошел в указанном направлении, одновременно тщательно отслеживая окружающую обстановку. Мало приятного, если на тебя из-за угла вылетит с ревом очередная тварь или с потолка свалится на загривок что-нибудь острозубое.

Именно таким манером я и добрался до кухни, но так как моя подозрительность ко всем и вся лишь усилилась за последнее время, то предпочел, прежде чем войти, хорошенько прислушаться к доносящимся звукам. Столь полезная прежде биолокация здесь была попросту бесполезна, скорее всего из-за не совсем биологического строения здешних полуреальных созданий.

Сквозь неплотно прикрытую дверь до меня донеслись звон посуды и чье-то неразборчивое пение, не отличавшееся приятностью. Мля, проходной двор тут у них или как? Тоже мне, чаепитие у Безумного Шляпника и Мартовского Зайца. Осторожно приоткрыв дверь, я узрел картину, достойную увековечивания: громадный краснорожий повар в некогда белом, но сейчас выпачканном в крови халате деловито заталкивал в котел с кипящей водой компонент для будущего блюда. Компонент явно не хотел послужить украшением стола и всячески протестовал против подобного обращения, отбрыкиваясь всеми восемью щупальцами.

Судя по обрывкам одеяния человека-осьминога, раньше он входил в число членов Ордена, поэтому я лишь мысленно пожелал повару успеха в кулинарных изысках и приятных вкусовых ощущений. Конфликтовать с ним причин не было, так что я тихонько проследовал мимо сей колоритной парочки в подсобное помещение, где и должен был находиться грузовой лифт. Заодно и парочку тесаков для разделки мяса прихватил – мало ли кого придется шинковать по дороге. На пистолет надежд не возлагаю, там всего-то восемь патронов осталось, на самый крайний случай.

Лифт, натужно гудя мотором и вибрируя, все же поднял меня на второй этаж. Спрыгнув на пол, я нос к носу столк-

нулся с уже знакомым типом, которого раньше звали Марком. Если бы у меня до сей поры оставались некие сомнения относительно нахождения в несколько иной реальности, то они испарились бы подобно капле воды на раскаленном стволе пулемета. Оригинальное жизненное впечатление – встретиться с человеком, которого сам же и прикончил меньше суток тому назад. Второй раз даже неловко вновь отправлять его в райские кущи, хотя никаких моральных препон и не имеется.

Объект моего повышенного интереса тем временем спокойно брел по коридору, бубня себе под нос тоскливо-злые причитания:

– Покинули, бросили... Недостойные братья. Найду, накажу... А потом съем...

При этих словах уже однажды убиенный мной монах оскалил такие клыки, которым позавидовал бы любой киношный вампир. Весело будет, если они действительно попадутся ему на зубы, особенно кто-нибудь из шестерки.

Стоп! А это идея, пусть и насквозь идиотская, но именно поэтому может и сработать. Я прищелкнул пальцами, привлекая внимание погруженного в себя Марка. Раздавшийся в голове вопль Тени, нелестно рассуждающего о моих умственных способностях, я нагло проигнорировал.

– Марк, ищешь тех, кто тебя бросил? Хочешь, я подскажу тебе, где их найти?

Метнувшийся было в мою сторону Марк озадаченно за-

мер, раздираемый противоречивыми стремлениями. Остатки здравого смысла и желание отомстить требовали выслушать столь важные для него сведения, в то время как звериная жажда убивать заставляла забыть о доводах разума.

– Сожру... – в голосе прозвучали неуверенные нотки. – Знаю, видел. Где?

– Я видел, как тебя пытались убить. Те самые, кого ты ищешь. Сначала они пробовали уничтожить тебя, а потом бросили, посчитав мертвым. Ты помнишь Симона?

Кажется, мне удалось на время отвлечь его от звериной части сознания. Теперь нужно было заболтать его и направить в качестве неприятного сюрприза с доставкой на дом.

– Симон? Не ты он есть... Он мертв, – подозрительно прищурился Марк. – Двойник Симона... напасть на меня, кто-то был рядом. Стрелял...

Э, так дело не пойдет, надо быстро сбить его с мысли. Вспомнит еще, что стрелял в его благомордие именно я, причем хорошо стрелял, результативно.

– Тень, а скажи мне, как имя настоящего? Быстро, время не терпит! – пресек я его попытку пуститься в длительную дискуссию.

– Лука.

Получив столь ценную сейчас информацию, я незамедлительно воспользовался ею, заявив безумно-мертвому монаху:

– Вот именно, друг мой Марк, в тебя стреляли. Имя Лу-

ка тебе говорит что-нибудь? Какие эмоции возникают у тебя при упоминании этого имени? Никогда не поверю, что хорошие.

Расчет был груб, циничен, но действенен. Вряд ли даже в условиях здешней жизни к начальству, пусть и духовному, испытывают исключительно теплые чувства. Наказания за провинности, нравоучительные проповеди и тому подобное – все исходит от него родимого! И если в здравом состоянии человек еще может в большей части случаев понять необходимость этого, да и то в случае объективного руководства, то стоящее передо мной существо с напрочь разрушенным разумом и инфантильно-злой эмоциональной сферой... Оно точно не способно было здраво рассуждать и критически оценивать.

– Лука? Настоятель?! Он! Смерть! Где?! – с каждым последующим словом голос звучал все громче и перешел в почти нечленораздельный рев.

– Пройдешь вон по тому коридору и повернешь направо. Там увидишь дверь в зал, он там. И осторожнее, там стоит мощная защита...

Предостерегающее напутствие пропало даром. Услышав о местоположении новообретенного врага, зубастик чесанул туда так, что аж пятки засверкали. Успешной ему охоты! Вряд ли ему под силу будет уничтожить даже самого слабого из их компании, но несколько неприятных минут он им доставит. Мелочь, а приятно!

– Ну, ты и кадр! – раздался восхищенно-порицающий голос Тени. – Элегантная работа, но я бы на твоём месте и в твоём возрасте просто пристрелил его без всяческих изысков.

– Тень, я же тебе не юнец, который стреляет во всё, что движется. Иногда полезнее бывает не банально уничтожить врага, а заставить его приносить пользу тебе, пусть даже без его ведома. Напротив, в этом есть свой, особый шик. Мое же личное кладбище и так довольно велико, лишний крестик на рукояти пистолета не особенно нужен. Кстати, о пистолете... Ты бы посоветовал, где тут боеприпасами разжиться можно, а то кончаются, понимаешь.

– Ладно, Эш, слушай очередную лекцию об устройстве здешних мест и не говори потом, что злобный Тень тебе об этом не поведал. Здесь ведь нет ничего полностью материального. Есть лишь энергия, волею случая или чьим-то повелением превращающаяся в ту или иную форму. Впрочем, могу тебя разочаровать или обрадовать, это уж зависит только от тебя... В привычный большинству людей мир тоже можно привнести элементы здешних законов и принципов. Магия иллюзий и воздействия на реальность – может, слышал о такой?

Не буду врать, приходилось слышать, но только краем уха и ничего конкретного. Говорили, что владеющий хотя бы азами такой магии может частично погружаться в несколько смещенное состояние, вырывая оттуда образы и поня-

тия, воздействующие на нашу реальность, а в особенности на психику людей. Вроде бы несколько веков назад существовала и школа боевых воздействий, основанная именно на таких принципах. Кто знает, может, так и было, если хотя бы десятая часть легенд соответствовала действительности.

– Судя по твоим раздумьям, что-то слышал, пусть даже самые глупые сплетни. Я же не только слышал, но и неплохо владею этим искусством. Здесь же условия для подобных магических упражнений близки к идеальным, достаточно минимальной способности к оккультным наукам. Узел ирреальности, специально созданный и копивший силу в течение нескольких лет, сам должен понимать. Возьми в руку тот тесак, что ты экспроприировал на кухне.

Я с выражением полнейшего недоумения вытащил из-за пояса сей ничем не примечательный предмет. Создалось впечатление, что контуры его слегка размываются прямо на глазах, теряя прежний вид. Грубая деревянная рукоятка приобретала рельефность, при этом трансформируясь в изящный серебряный эфес. Лезвие вытягивалось и изгибалось, словно живя своей собственной жизнью. Но это были лишь внешние проявления, малозначимые по сути при всей их красоте. Главное скрывалось в энергетической составляющей процесса.

Демонстрируемая Тенью магическая техника выкачивала необходимую для трансформации силу прямым из окружающего мира, но делала это столь экстравагантным мето-

дом, что оставалось лишь замереть в восхищении от столь виртуозного владения искусством. Это мастер, равного которому я не видел!

* * *

В руке у меня вместо банального разделочного тесака красовался и сверкал меч-шпага, выполненный в манере итальянских оружейников века эдак пятнадцатого, достойный послужить украшением любого музея холодного оружия. Неплохое оружие для понимающего человека, многофункциональное. Изящная плетеная гарда, несмотря на кажущуюся декоративность, отлично защищает руку. Узкое лезвие пригодно для нанесения как рубящих, так и колющих ударов, а небольшой вес позволяет делать это быстро. Так и тянет испробовать новообретенную игрушку на одном из местных обитателей, но это еще успеется.

Главное же достижение было не в этом. Шпага, как ни крути, лишь приятное дополнение к главному призу. О чем это я? Да как раз насчет заложенного в мою голову «курса молодого бойца» в оккультной интерпретации. О таком роскошном подарке сложно было даже мечтать.

Теперь я худо-бедно представлял себе технику этого процесса и мог надеяться на ее самостоятельное использование. Или не совсем самостоятельное... Тень, похоже, окопался в моем сознании всерьез и надолго, пока что не со-

бираясь сваливать в неизвестном направлении. В этом были как положительные, так и отрицательные стороны. Несколько раздражало постоянное присутствие где-то на периферии постороннего разума, готового постоянно влезть с советами или просто болтовней в самый неподходящий момент. В то же время вреда от него не было, а вот польза присутствовала.

Научить он мог многому, если только в его мыслях возникало такое желание. Знать бы еще историю этого странного создания, а особенно то, каким образом он здесь появился и что ему, собственно, надо.

Пока суд да дело, я уже дошел до гостевых комнат. Заходить в свою дверь не было ни малейшего желания, да и необходимость напрочь отсутствовала. Целью была комната Люсьен, моей подружки, надо было во что бы то ни стало вытащить ее из этого круговорота безумных реальностей. Что поделаться, мы в ответе за тех, кого считаем своими. Бросая их на произвол судьбы, теряешь часть себя, кусочек своего достоинства, и тогда у тебя один путь – напрямик на помойку духовного убожества.

Знал я нескольких таких, спокойно шедших на компромиссы с собственными принципами, поверьте, ничего хорошего из этого не вышло. «Принципы надо вовремя доставать из кармана, но при необходимости убирать обратно», – скалил зубы один из этих убогих. Так он и поступал, жонглируя своими принципами как теннисными мячиками. Постепенно он перестал верить в свои прежние идеалы, но не приоб-

рел новых, озабоченный лишь тем, как бы ему покомфортнее устроиться в этой жизни. Когда я вижу его на улице, мне хочется перейти на другую сторону, до того он мне омерзителен. Единственная польза от подобного типа – он служит великолепным наглядным пособием, что может произойти с теми из нас, кто идет по воняющей выгребной ямой дороге уступок и компромиссов.

Глава 6. Путь смерти

Меня словно током ударило – дверь комнаты Люсьен была приоткрыта, хотя я, оставляя ее там, удостоверился, что она закрылась от нежелательных посетителей. Настораживает, очень настораживает! Я бы не удивился, обнаружив запертую дверь и невозможность войти внутрь, подобно тому, как недавно не мог выйти из своей комнаты, но такое... Попахивает очередной неприятностью, коих и так на моем пути попало предостаточно.

– Осторожно, Эш. Там есть кто-то, и этот кто-то явно не похож на твою девушку, – заботливо предостерег Тень.

Стараясь не шуметь, я по возможности тихо и незаметно просочился в комнату. Картина, открывшаяся передо мной, вызвала одно яркое и непреодолимое желание – убивать! Убивать долго, жестоко и кроваво, точно так же, как эти мерзавцы поступили с Люсьен. Да окажется ее душа в более приличном мире, чем тот, где она скончалась, искренне надеюсь на это. Ее умело и профессионально распластали на жертвеннике, точно повторяющем основной символ их веры. Руки и ноги были прикованы к камню кандалами, красными от крови таких же жертв, в глазах же тускло переливались эмблемы их Ордена.

Как хорошо, что здесь были и те, кто сотворил это, ну или некоторые из них – двое ублюдков, спрятавшие свои лица

под белыми капюшонами своих ряс. Один из них, перебирая четки, заунывным голосом читал молитвы о спасении души, умершей во грехе, и воздаянии на небесах. Нет, я не стал стрелять в них, это было бы слишком просто и несоразмерно – они бы едва успели почувствовать свою смерть и не сумели осознали, за что их прикончили. Метательный нож просвистел в воздухе и сбил капюшон с одного из святош.

– Вы будете умирать долго... – счел я необходимым уведомить их об этом немаловажном аспекте. – Постараюсь сделать вашу смерть произведением искусства, вы заслужили это.

Монах с четками подавился молитвой, остолбенев от изумления, но его коллега по пыточному ремеслу оказался более проворен. С похвальной быстротой его рука нырнула под рясу и появилась оттуда вместе с короткоствольной модификацией револьвера «Кольт». Не люблю я подобные издевательства над оружием, право слово. Паршивая модель, равно как и все производимое под знаком этой марки последние лет восемьдесят.

Ну да ничего, разберемся... «Реакция хорошая, но с сообразительностью не очень», – промелькнула мысль, когда хлещущим ударом шпаги я обрубил сомкнутые на рукояти револьвера пальцы. Воистину. Каждому по заслугам его! Не стоит доставать револьвер, когда вооруженный шпагой противник стоит на расстоянии выпада. Его шансом был

уход в сектор три-шесть¹, только разорвав дистанцию он мог успеть вытащить оружие.

На пол упали кольт и парочка отрубленных пальцев. Вот и хорошо, а я думал о недостатке патронов. Свежепокаленный взвыл от резкой боли, но все же попытался дотянуться оставшейся работоспособной рукой до висящего в ножнах на поясе кинжала внушительных размеров. Не буду мешать, пусть потешится. К тому же и второй красавец немного отошел от шока, вызванного моим появлением, тоже схватившись за парные даги². Со знанием дела схватившись, между прочим. По мне, так это лишь повышает интерес, гораздо приятнее прикончить опытного и опасного врага, чем никчемного уродца. Не угодно ли потанцевать с клинками, сеньоры?

Судя по всему, любитель парного оружия не возражал, надымаясь на меня с завидной целеустремленностью. Его даги с тихим шелестом вспарывали воздух, плетя паутину обманных выпадов и одновременно создавая неплохую защиту.

Не дилетант попался, что весьма радует. Это только профаны считают, что две парные даги стандартного вида не тянут против длинного клинка. Еще как тянут, надо только уметь с ними работать, да и вообще, мастерство работы

¹ Назад и вправо. Три-шесть обозначает сектор на циферблате, используется в терминологии некоторых боевых школ.

² Схожи с кинжалом, но имеют защищающую пальцы гарду. Дага используется в основном как парное оружие к мечу, но некоторые предпочитают именно парные даги, достигая больших успехов в подобном стиле фехтования.

с парным оружием дается далеко не каждому. Пока что он только прощупывал мою оборону и ожидал, когда в танец включится однорукий, все же доставший из ножен мачете, больше подходившее не для боя, а для рубки леса.

Нет, с любым оружием можно вытворять чудеса, но этот субъект явно знал лишь самые азы. Он наносил своим страшно холодным ножищем широкие рубящие удары, проваливаясь при каждом замахе и даже не замечая этих вопиющих ошибок. Любая глупость должна быть наказуема, поэтому мой второй метательный нож отправился в полет, конечной точкой которого стала кисть руки, держащей оружие. Пусть постонет себе в углу и не путается под ногами, благо вреда от него уже никакого. Не стоит мешать танцу клинков своими непрофессиональными потугами.

Обнаружив, что остался без паршивенькой, но все же поддержки, противник решил поставить все на мощную, взрывную атаку. Клинки вращались все быстрее, делаясь для непривычного взора подобными туманному облаку. Красиво! Он пытается нанести удар, связав другой дагой мою шпагу. А вот о рукопашном бое ему забывать не стоило...

Уйдя в сторону связанной с моим клинком даги, наношу удар в коленную чашечку добротным армейским сапогом, окованным железом. Вот и все. Раздавшийся громкий хруст однозначно говорил о том, что хрупкая кость не выдержала соприкосновения с шедевром отечественной обуви, созданной специально для вооруженных сил. Теперь осталось

только добить противника, практически лишенного возможности передвигаться. Ведь с этого момента исчез главный его козырь – резкие взрывные перемещения. Кончик лезвия описывает полукруг, и одна из даг падает на пол вместе с намертво вцепившейся в нее рукой. Не дожидаясь, пока противник оправится от болевого шока, срубаю и вторую руку. Dixi.

«Каждому по его вере», – гласит одна из житейских мудростей, которую вполне можно использовать в данном случае. Бережно вынимаю из глазниц умерщвленной на жертвеннике подруги символы веры тех, кто виновен в ее смерти. Э, да они больше всего походят на стилеты с несколько вычурной рукоятью. Тем лучше, тем лучше. Клянусь, именно эти вещички будут последним, что увидит тот, кто отдал такой приказ. Я обязательно воткну ему в глаза эти символы прежде, чем превращу в фарш мелкого помола.

А пока нужно решить, какого из двух покалеченных палачей оставить для долгого и вдумчивого допроса, а кого можно и прикончить в ускоренном режиме. Пожалуй, любителя фехтования можно и отправить в мир иной, все равно того и гляди истечет кровью из отрубленных конечностей. Подойдя к нему поближе, я двумя ударами лишил его оставшихся конечностей, превратив в весьма достоверное подобие пуфика для ног, после чего загнал в глаза те самые ритуальные стилеты. Длина их оказалась достаточной, чтобы дойти до мозга. Мелочь, а все равно порадовало. После несколь-

ких конвульсивных подергиваний одним уродом в мире стало меньше.

* * *

Помимо благородного стремления к мести, устроенная показательная казнь имела и сугубо практическое значение — настрой оставшегося в живых на должный психологический лад. Увидев не слишком приятную смерть своего подельника по палаческой работе и поняв, что я отнюдь не питаю склонности к гуманизму и тому подобным извращениям, он вряд ли будет очень уж сильно упорствовать при допросе. На сей раз без всякого пиетета вырвав из глазниц трупа стилеты, я медленно, но неотвратно надвигался на забившегося в угол монаха.

— Как именно ты хочешь умереть, тварь? Медленно или не очень? Ты ответишь на все вопросы, в противном случае смерть твоего приятеля покажется тебе манной небесной. Можешь не говорить, кто именно тебя послал, мне безразлично, я все равно прикончу всех, кто еще не подох в этом поганом заведении. А вот о шизофренических планах твоих хозяев ты выложишь не только то, что знаешь, но и то, о чем можешь только догадываться.

Объект психоломки устоялся на окровавленные стилеты в моих руках, словно бандерлог на удава Каа. Его рот то открывался, то вновь захлопывался, будто бы он хотел вымол-

вить хоть слово, но что-то ему мешало.

– Бесполезно, Эш. Можешь медленно разрезать его на ломтики, а он все равно будет молчать, как партизан на допросе, – тяжело вздохнул Тень. – Тут тоньше действовать надо, иными методами воздействовать.

– Ничего, будь спокоен, у меня и не такие орлы петать начинали. Отрежу-ка я ему для начала уши и нос, чтобы походил на жертву сифилиса. И подпалить можно, чтобы приятно воняло.

От предложенных вариантов развязывания языков монах придавленно икнул и, закатив глаза, впал в бессознательное состояние. Вот зараза, а если он от инфаркта загнется, у кого я тогда буду получать столь нужную информацию?

– Так ведь все равно не подействует, сдохнет, но не расскажет, – Тень продолжал корчить из себя патентованного пессимиста. – И не потому, что не захочет. Просто наши общие знакомые, настоятель со товарищи, поставили на него ха-а-роший блокиратор как раз на такой случай.

– Однако что один человек построил, другой всегда разломать сумеет. Больно уж вкусные и полезные вещи находятся в тупой башке этого святоши. Например, как именно пройти в гости к его хозяевам. Должны же они были пообщаться с ним, прежде чем отправить сюда.

Никаких возражений не последовало, мой собеседник и сам великолепно понимал большую ценность хранящегося в голове пленника. Вопрос был не в том, нужны или нет

эти сведения, а только лишь в способе их получения в наши загребушие лапы. Лично я не видел другого выхода, как медленно и методично снимать с него шкурку не слишком острым ножиком в надежде, что поставленный блок все же не выдержит столь варварских методов. Но похоже, у Тени давненько родилась какая-то конструктивная мысль:

– Есть один вариант, Эш. Не уверен, что он прошел бы в обычных условиях, но здесь у него хорошие шансы. Я попробую сжечь его сознание, выбрав из пепла остатки сохранившихся сведений. Вот только...

– Продолжай, я внимательно слушаю. Какое-то дополнительное препятствие?

– Представь себе. Моих сил в том состоянии, в каком я нахожусь, просто не хватит для осуществления предложенного варианта, – разоткровенничался Тень. – Но выход есть. Если мы временно соединим наши разумы, то полученной мощи должно хватить. Решай.

Заманчивое предложение, что тут скажешь. Про увеличение силы подобным способом я слышал, пусть и в теории. Жалоб на него вроде бы не поступало. Напротив, всякий раз, когда применяли этот метод, полученная сила оказывалась даже несколько больше, чем сумма сил каждого отдельного субъекта. Однако сам я по вполне понятным причинам никогда не пробовал подобную методику и вообще имел о ней не самое сильное представление. Теория, она ж без практики хромает. Ладно, рискнем!

– Договорились. Начинай, Тень.

На миг мир размывается, словно меня душевно огрели по голове кастетом, но тут же возвращается привычное состояние. И вот я уже точно знаю, как именно нужно выжигать мозги с целью получения из них нужных сведений. А может быть, и не я, а Тень. Уже нет четкого разделения между нами, граница становится аморфно-размытой, сдвигающейся то в одну, то в другую сторону.

Узкое энергетическое щупальце тянется к сознанию лежащего без сознания монаха-палача и привычно, очень привычно, проникает внутрь. Подобно раскаленному скальпелю оно вскрывает те блоки, что были поставлены настоятелем и его сподвижниками. Однако и полностью обойти их не получилось, поэтому вместо связной информации перед внутренним взором вспыхивают лишь статичные образы и оттенки эмоций, тем не менее вполне достаточные для воссоздания картины.

Контакт с мозгом подопытного рвется, словно гнилая веревка, без малейшего моего участия. Я же инстинктивно отпрыгиваю в сторону. Что такое? А, это всего лишь допрашиваемый палач соизволил преподнести последнюю гадость в своей жизни, расплескав содержимое черепной коробки по стенам комнаты. Любители абстрактной живописи были бы в восторге, у меня же подобное «творчество» не вызывало ничего, кроме нервной чесотки. Чувствую полную опустошенность и усталость, слишком уж много сил потребовалось

на эту процедуру, пусть даже в спаренном режиме.

– Тень! Ау, ты там живой или уже не очень?

– Да живой... Вроде как, – я словно бы вижу его сардоническую усмешку, но чувствую, что вымотан он еще похлеще меня. – Грубовато получилось потрошение, но так или иначе результат налицо.

– Скорее уж на стене. Сальвадоры Дали и прочие последователи Пикассо нервно курят за углом.

Остается лишь усмехнуться, благо время позволяет. Все равно пока не стоит соваться в гости к настоятелю, пусть он подождет своих архаровцев с докладом о проделанной работе, понервничает. Тогда и будет самый подходящий момент зайти поздороваться. Пока же можно как следует подготовиться к предстоящему горячему общению с «защитниками веры».

Глава 7. Ведро помоев, или Досье на местных авторитетов

Для отдыха я предпочел расположиться в той комнате, где меня поселили изначально. Теперь у меня уже не было проблемы войти туда и выйти обратно – сказывались уроки Тени, намертво засевшие не только в сознании, но и в глубинах подсознательного. Удивительно, но похоже, после опыта по объединению сил между нами установилась какая-то мистическая связь, переплетя разумы тонкими и незаметными нитями. Кто знает, может быть, и мои закрепившиеся знания есть всего лишь украденные (или скорее добровольно отданные) куски чужой памяти и не своих умений. Все возможно в переплетении ирреальностей...

Сейчас я понимал и казавшееся поначалу бессмысленным убийство моей подруги. Это было даже не стандартное для Ордена и подобных ему организаций уничтожение еретиков и врагов веры; не попытка повлиять на меня, заставив безрассудно броситься в атаку, забыв об осторожности. Впрочем, я не совсем прав, эти факторы тоже имели значение, но отнюдь не самое главное.

Жертвоприношение, а увиденное мною являлось именно им, имело целью с помощью полученной жертвенной силы усилить защиту настоятеля с компанией и, кроме того, запастись некоторым резервом мощи. Так, на всякий слу-

чай. Своих доверенных людей пускать в расход было расточительно, а не слишком доверенные были уже либо сведены с ума, либо... Да, вот именно, принесены в жертву, так сказать, в превентивном порядке. Настоятель не побрезговал пустить под нож своих. Мразь, что тут еще скажешь. Остальные эпитеты, приходящие мне на ум, были и вовсе нецензурного вида. Хотя ожидать от ему подобных созданий чего-либо иного не стоило. Испокон веков они проявляли такие же классические образцы ханжества и лицемерия, как и исповедуемая ими вера.

– «Нахожусь я в раздумьях глубоких», – процитировал Тень строку из какого-то смутно знакомого стихотворения. – О чем мыслишь?

– Обо всем и ни о чем, – лениво отмахнулся я. – Большой частью о тех, кого предстоит уничтожить. Хотелось бы знать их сильные и слабые стороны. Сам понимаешь, хорошо изученный враг – враг частично побежденный.

– Не лишено оснований. Ладно, все равно делать пока нечего, кроме как отдыхать, силы восстанавливать. В общем, краткие характеристики по шестерке святош я тебе дам, только смотри, как бы тебя от них наизнанку не вывернуло.

Ну, нас этим не напугаешь, да и вообще... Зомби бояться – на кладбище не наведываться, как гласит изрядно переделанная мной в свете последних событий поговорка. Посмотрим. Послушаем. Наверняка Тень много чего интерес-

ного поведает.

И точно. Прямо передо мной, соткавшись из пустоты, возникла объемная картинка, изображающая всех шестерых в том самом виде, когда я их видел. Меня аж передернуло от избытка сильных, но отнюдь не положительных эмоций.

Между тем групповая картинка сменилась на изображение того самого маленького женоподобного уродца, который рыл копытами землю и всячески борогозил, желая угробить меня, не отходя от кассы. Интересно, как там его недопридавленная шея, болит еще? Надеюсь, что да.

– Знакомся, эта личность, омерзительная во всех отношениях, иногда соизволяет откликаться на имя Иосиф. Не слишком опасен, магией владеет на весьма низком уровне для его положения в иерархии Ордена. Тем не менее входит в высшее руководство и пользуется там весомым авторитетом.

– И в чем же выражается его авторитет?

Меня действительно разобрало любопытство, чем же может быть авторитетен подобный типус, не обладающий, как выяснилось, сколь-либо значащими оккультными знаниями, да и вообще не вызывающий уважения истероид.

– Способы достижения высокого положения тоже разные бывают, – с откровенной брезгливостью процедил Тень. – Иосиф использовал в качестве главного козыря свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Впрочем, нетрадиционной она является где угодно, но только не среди этих су-

ществ. Здесь педерасты составляют большинство.

О темпора, о морэс! Иерархами того же недоброй памяти Ордена Лазурного Света, окопавшегося в этом монастыре, становятся смазливые пидоры, подставившие свой зад нужному клиенту. Значит, этот женоподобный типчик пробрался во власть с заднего хода в самом прямом смысле этого слова. Воистину, глядя на мир, нельзя не удивляться. Довелось мне недавно прочесть одну интересную статейку, рассказывающую о статистике заболеваний спидом. Ее стоило бы повесить как антирекламу перед подавляющим большинством неких культовых учреждений.

Всем известно, что болезнь под кратким названием спид в основном поражает наркоманов и педерастов. Ее можно даже назвать реакцией природы на творящийся вокруг круговорот извращений. А глубоко презираемые мной правозащитники истерически вопят о «чуме века», призывая правительства своих стран вбухивать миллиарды на разработки вакцины от болезни, истребляющей отбросы рода человеческого. «У кого чего болит, тот о том и говорит», – гласит меткое народное выражение. Закрадываются вполне определенные сомнения о принадлежности борцов со спидом к обширной массе педерастов. В таком случае вся их деятельность – всего лишь защита самих себя, но никак не благородные побуждения.

Однако стоит вернуться к упомянутой статейке. Среди церковников процентное соотношение умерших от этой бо-

лезни было в несколько раз больше, чем среднестатистическое. А теперь вспомним про группы риска, к коим относятся наркоманы и педерасты. Подозревать святош в наркомании просто глупо, но вот в гомосексуализме... Кое-кто из них в наше время даже и не скрывает свою голубую окраску, напротив, выставляют эту мерзость на всеобщее обозрение. В некоторых местах браки пидоров уже официально разрешены церковниками. Парадокс, но так оно и есть. К тому же грязевая лавина катится все дальше, погребая под собой тех немногих общественных деятелей, кто еще осмеливается протестовать против этого позорища.

– И кто же был покровителем этой ярко выраженной педерастической твари? – переварив полученную порцию сведений, поинтересовался я.

– А вот он, – изображение Иосифа сменилось на другое, но из той же компании. – Преподобный Вениамин, ответственный за внешние связи Ордена.

Передо мной предстала физиономия раскормленного бобра с маленькими, заплывшими жиром глазками. Вот уж кому на полном серьезе стоило бы попоститься.

– Вышеупомянутый Вениамин известен также своим патологическим пристрастием к молоденьким мальчикам, обычно выбираемым из церковных служек и певчих хора, – Тень продолжал выворачивать на иерархов Ордена вполне заслуженные ими ведра помоев. – Оттуда он и выкопал Иосифа, да так и тащил его по иерархической лестнице.

це вслед за собой, дабы не разлучаться со своей нежно-голубой привязанностью. Впрочем, от своих педофильско-пидорских наклонностей он также не отказался. Содержит целый гарем из молоденьких мальчиков, предпочитая кастрировать их для придания им большей «женственности». В миру владеет сетью подпольных борделей для секс-извращенцев, выкачивая оттуда очень большие деньги.

Во многом благодаря этим финансовым вливаниям, Орден Лазурного Света за последнее десятилетие столь приподнялся в иерархии подобных ему орденов, подчиненных единому центру. Под этим понятием я подразумеваю Инквизицию. Она хоть и закопалась поглубже за последние парочку веков, но все так же жива и здорова. Впрочем, вернемся к «пациенту». Магией владеет также не виртуозно, положение в руководстве Ордена занимает за счет финансового влияния.

– Мерзость!

– А ты думал? Вот такая примечательная личность, – усмехнулся Тень. Помолчав несколько секунд, он добавил: – Если ты действительно хочешь показательно загнать им в гляделки по паре тех самых ритуальных кинжалов с символом их веры подобно тому, что они сделали с твоей подругой, то... Преподобному Вениамину достаточно будет и одного, но не в глаз, а прямо в жопу. Это будет достойным завершением его карьеры.

Хорошая идея! Особенно учитывая оригинальный способ

финансирования Ордена, от которого откровенно тянет блевать. Хотя что-то подобное было и раньше, правда не в таких омерзительных формах. Чего стоит хотя бы отпущение грехов за деньги или предание анафеме по заказу.

Самые жестокие тираны, правившие народами, убивали лишь тело, не претендуя на душу. Эти же стервятники запугивали паству обещаниями вечных мук, превращая людей в «рабов божьих». А ведь все их запугивания – стопроцентный мираж. Ну не властны они отправить человеческую душу на вечные муки, как бы ни вопили и ни пердели проповедями. Ни рая, ни ада просто не существует в том понимании, что веками вдалбливалось в человеческое сознание. Есть лишь несколько сил: свет, тьма, хаос... Мы всего лишь выбираем ту, что нам ближе. И при чем тут адские муки или райское блаженство? Обычная страшилка и сладкий пряник в руках у агитаторов низкого пошиба.

* * *

Между тем харя жирного борова сменилась на аскетичное лицо с горящими глазами фанатика. Странно, как это я его раньше не заметил, такие обычно запоминаются всерьез и надолго. Наверно, прикрыл лицо капюшоном рясы, не желая понапрасну отсвечивать. В отличие от двух предыдущих ничтожеств, этот вызывал инстинктивное чувство опасности.

– Номер третий, – менторским тоном вещал Тень. – Имя сего субъекта знает лишь он сам, да оно ему не слишком и требуется. В этом он чем-то схож с подобными нам. Известен в знающих кругах под прозвищем Палач, полностью его оправдывает.

– Надеюсь, хоть этот не пидор, или я все же зря питаю столь несбыточные иллюзии?

– Да в общем нет, – как-то неуверенно промямлил мой собеседник. – Мальчиками он не интересуется, но и девочками тоже. Ловит кайф исключительно от зрелища пыток, причем предпочитает сам заниматься этим ремеслом. Несмотря на столь омерзительное увлечение, а скорее даже благодаря ему, добился весомых успехов в области ритуальной магии. Написанный им трактат на тему об аспектах жертвоприношения и значимости ритуальных ножей не только поднял его в верхушку Ордена, но и заставил обратить на себя внимание церковных иерархов с самой вершины властной пирамиды.

Я задумчиво посмотрел на те самые ритуальные стилеты. Так вот кто является их создателем! Учтем, непременно учтем, человек я не злопамятный, просто злобный и на память не жалуюсь.

– Кстати, ты ведь помнишь тот самый жертвенник, на котором убили твою подружку? – продолжал Тень. – Так вот эта вещичка – шедевр его творческой мысли. Не знаю, да и не особенно стремлюсь узнать принципы его функционирования, но работает на ура во благо их Ордена. Многие так

называемые грешники и еретики, чья вина была лишь в том, что они не захотели служить их церкви, умерли на этом камне. Удивительно лишь то, как это он допустил, чтобы его любимое творение притащили сюда. Загадка...

Ну, меня эта загадка в душе не... колышет, и так проблем хватает. Зато с каким бы удовольствием я бы приковал этого изобретателя к его собственному творению и прирезал бы по всем разработанным им же правилам. К сожалению, это только мечты. Делать мне больше нечего, как тащить эту тяжеленную хреновину в тот зал, где сейчас обитает этот самый Палач.

Тень же, до сей минуты так вдохновенно описывающий прелестные типажи местных «авторитетов», неожиданно замолк, словно кляп проглотил.

– Что умолк, приятель? Вспомнил что-то особо омерзительное или просто надоело про уродов рассказывать?

– Вспомнил... Особо омерзительного типа, патентованного иуду, готового вилять хвостом перед теми, кто больше заплатит. С этой паскудой я был когда-то знаком лично, причем считал его одним из своих друзей. Мэрдок! – Тень выворачивал наизнанку самые болезненные нарывы воспоминаний, впервые упомянув о своей прежней жизни. – Мне бы и в голову не пришло, что он способен продать тех, кто не раз спасал его шкуру от множества неприятностей. А он сдал меня с потрохами... Не за деньги и не из страха за свою шкуру, так низко он не опустился. Его поманили высоким

положением, славой, новыми возможностями. Оказавшаяся с гнильцой душонка не выдержала соблазнов. Внимательно присмотрись к этой физиономии, я прошу тебя об этом!

Стыдно было не исполнить столь несложную просьбу того, кто уже не раз помог мне в трудных ситуациях, поэтому я пристально взгляделся в соткавшееся в воздухе изображение. Ничем не примечательное лицо. С таким легко уходить от слежки, теряясь в толпе или же напротив – вести пристальное наблюдение, будучи уверенным в своей незаметности. Выделялись только глаза: хитрые, прощупывающие собеседника. Они словно давали понять: «Что ты можешь предложить мне за услуги? Поторгуемся. В том случае, если цена меня устроит, то я готов сдать с потрохами своих нынешних хозяев». Хотя не исключено, что мне это только привиделось после рассказа Тени об истинной сути этого ссученного прохиндея.

Над моей головой захлопали крылья... Это каменная статуя горгульи таким образом пыталась привлечь к себе внимание с максимально возможной деликатностью. Я не слишком понимал, что бы это могло значить, но Тень понял и сразу же зачастил скороговоркой:

– Сюда идут. Гости, мать их так через тридцать три оборота до характерного щелчка! До чего же не вовремя они нагрянуть решили. Если я еще не выжил из ума, то это как раз Палач приперся за своим инвентарем с двумя телохранителями. Выпускать их живыми нельзя ни в коем случае,

да и допустить его к жертвеннику тоже не рекомендуется. — Я рефлекторно потянулся к оружию, но Тень охладил мой резкий порыв: — Не торопись, пара минут у тебя еще есть.

— Что, похоже, появился хороший шанс сократить число руководителей местного кагала до пяти штук, не так ли? — усмехнулся я, снимая пистолет с предохранителя. — И еще... Почему ты считаешь опасным подпускать Палача к жертвеннику? Неужто при малейшем признаке опасности выпотрошит на нем своих песиков?

Судя по многозначительному молчанию, мой приятель считал именно так. Впрочем, почему бы и нет, особенно учитывая один из тезисов церковников: «Все во имя торжества веры». Добавлю лишь, что собственные шкуры они никогда не подвергают риску, предпочитая кидать в топку свои многочисленные стада агнцев, да и в случае необходимости — функционеров низких уровней. Хорошо, примем как одну из обязательных установок необходимость прикончить Палача, не дав ему даже взглянуть на жертвенник. Или нет, пусть он его увидит, несколько расслабится и потеряет бдительность. Тогда я его и прищучу. По крайней мере, хочется надеяться на такое развитие событий.

Как известно, благоприятное стечение обстоятельств бывает лишь у тех, кто заранее планирует свои действия, подгоняя их под желаемый исход событий. Вот из этого и будем строить планы, жаль только, времени все меньше и меньше.

Итак, что нам нужно для создания фактора внезапности

при нападении на Палача? Затаиться в самой комнате с жертвенником – предел идиотизма человеческого. Я не настолько не уважаю своих противников. Палач, перед тем как зайти в комнату самому, непременно пошлет впереди себя одного из своих песиков, дабы тот при неблагоприятном стечении обстоятельств послужил неким громоотводом от неприятностей.

В том, что мне удастся отвести глаза сразу трем типам, один из которых владеет магией на весьма приличном уровне, надеяться тоже не приходилось. Было бы время, проделал бы в стене меж комнатами дыру, да шмальнул бы в спину святоше, вызвав смерть от естественных причин. Что может быть естественнее передозировки свинца в организме? То-то! И никаких глупостей наподобие благородных поединков один на один.

Стоп, а это действительно хорошая идея! Ведь сейчас мы находимся не в обычной реальности, а в ее искаженном состоянии. Оно, состояние то есть, пересекается то ли с магическим пространством, то ли еще с какой хренотенью. Подумать о теоретических аспектах можно и потом, когда окружающая атмосфера будет располагать к философским рассуждениям. Лучше уж обратить пристальное внимание на практические акценты. Они-то как раз и могли помочь в нынешней ситуации.

Я великолепно помнил, каким именно образом Тень вытащил меня из наглухо замурованной комнаты, открыв пор-

тал перехода. Так почему бы и сейчас не соорудить нечто подобное? Мысленно потянувшись к его разуму, я выдвинул это конструктивное предложение. В ответ раздалось одобрительное ворчание:

– Вот так всегда. Как сделать что серьезное, так без меня и не обойтись. Хотя ты прав, задумка стоящая. Будь он хоть трижды маг, но сомневаюсь, что ему придет в голову ожидать нападения в столь экзотическом варианте. Единственная возможная трудность – вариант, когда он будет находиться под каким-нибудь магическим щитом. Простой пулей такую броню не прошибить, не для того она разрабатывалась.

Впрочем, возражать он не стал. Вновь присоседившись к моему сознанию и выйдя таким образом на необходимый энергоуровень, Тень начал формировать столь необходимый сейчас портал. Да, магическая броня – вещь действительно неприятная, может серьезно помешать осуществлению намеченного внезапного нападения. Кактус бы ему в штаны, этому Палачу, дабы все его внимание было привлечено выдергиванием колючек из чувствительных мест организма! Мои мысли сами собой соскользнули на мелкие пакости... Как ни странно, но именно там и нашлось решение неожиданно возникшей проблемы. Так что я легко и спокойно соорудил с помощью Тени маленький, но очень неприятный для непрошенных гостей сюрприз.

Портал был уже благополучно сформирован, а вдобавок и скрыт от излишне любопытных взглядов с той стороны.

Мне же было прекрасно видно все происходящее в соседней комнате. Хорошо сижу, далеко гляжу. Ну, не столько далеко, сколько пристально, но не суть как важно.

Сейчас я приготовился открыть огонь сразу из двух стволов: моего «стечкина» и кольтовского револьвера с укороченным дулом, что я получил в качестве трофея с одного из пыточных дел мастеров. Шпага, сотворенная Тенью буквально из ничего, из куска дрянного железа, лежала неподалеку на случай вполне вероятной рукопашной схватки. Поразительно даже. Или он не сотворил ее с нуля, а вытащил что-то из своих собственных запасов? Такой вариант возможен? Да более чем!

Ладно, это тоже потом можно будет прояснить. Потом, потом, потом... Невидимый маятник в голове щелкал, отсчитывая последние секунды.

* * *

– Они уже за дверью, – свистящий шепот Тени разорвал сгустившуюся тишину, словно противопехотная мина зазевавшегося бедолагу.

И точно, в распахнувшуюся от молодецкого пинка дверь влетел ражий детина со «Штейер ТМП» в руке, который, не иначе как для профилактики, выплюнул струю свинцовых пуль, веером накрывших все пространство комнаты. Грамотно, ничего не скажешь, чувствуются ухватки бойца, не один

год служившего в частях специального назначения. Обычно армеецу несвойственна такая хищная грация и чувство разумной паранойи, да и машинку он себе подобрал приличную. Компактная игрушка, из разряда носимых под курткой, но обладающая неплохой точностью, высоким темпом огня и магазином на сорок пять выстрелов.

Хорошо, просто отлично! Не обнаружив ничего опасного – по его искреннему, но ошибочному мнению, – мордоворот хитро прищелкнул пальцами свободной руки. Э, дитятко, шифроваться от фраеров будешь, я такие жесты знаю великолепно – обычная армейская жестовая азбука. Данный же вариант означал, что все спокойно и можно заходить в помещение. Спустя пару секунд порог переступила личность, не так давно наблюдаемая мною на показательном показе врагов, устроенном Тенью. Палач собственной персоной, пока еще живой! Искренне надеюсь, что это недоразумение будет исправлено в самом скором времени.

Ну давай, скотина ты моя разлюбезная, сделай еще один ма-ахонький шажок внутрь комнаты! Надо же тебе воочию удостовериться в целостности и сохранности столь ценного имущества. Не холуев же посылать, они наверняка в высоких материях не в зуб ногой. Нет, гадам буду, но интуиция у него развита неплохо, чует какую-то бяку, вот только обосновать не может.

Как выражался один известный классик, «на его лице отражалось нешуточное борение». Или же можно выразиться

гораздо более приземленно: «И хочется и колется!» – размышлял зоофил, поглядывая на спешащего по своим делам ежика. Нет, со мной так всегда, только лишь наступает самый напряженный момент – в голову сразу лезут абсолютно неуместные мысли, до предела насыщенные черно-похабным юмором.

Есть!!! Я ж тебе почетную медаль выдам в два пуда весом. К ногам и в речку! Объект моего пристального внимания все же решился сделать столь необходимый мне шаг. И жадность фраера сгубила. Ну, пока еще не сгубила, но неприятностей доставила ой как немало. Телохранитель Палача конечно же не обратил ни малейшего внимания на каменную горгулью со злобно оскаленной пастью, распростершую крылья над дверью. И хорошо, что не обратил. Теперь она беззвучно рухнула вниз, накрыв своим массивным каменным телом избранную мной жертву и вцепившись в нее мертвой хваткой не хуже бульдога и пираньи в одном флаконе. Я говорю «она», хотя вряд ли можно применить это слово к куску камня, лишь с помощью магии превращенного в своего рода голем на ничтожный промежуток времени.

– Добей! – заорал Тень, в чьем вопле причудливо смешались радость от удачно проведенной каверзы и опасение, что Палач все же сумеет оправиться от этого удара.

Ну, это он напрасно. Даже если магический щит и помог Палачу выжить, то долго ему придется освобождаться от вцепившейся в организм всеми когтями и зубами горгу-

льи. Мало того, сделав свое благое дело, статуя вновь превратилась в безжизненную каменную глыбу. Так что я предпочел загнать пару пуль в не слишком сообразительную голову телохранителя, который не придумал ничего лучшего, чем опустошить магазин «Штейера», выбрав в качестве мишени многострадальную статую горгульи. Метнувшийся обкуреным бегемотом на звук выстрелов второй сопровождающий Палача, ранее дежуривший в коридоре, также получил достойную награду. Я с большим удовольствием прокомпостировал ему односторонний билет на небеса, в столь дорогую его сердцу компанию ангелочков с арфами.

Однако! И ни фиги себе, сказал я себе... Находящийся в тесных, но недружественных объятиях статуи церковник был к моему изрядному удивлению не только жив, но и практически невредим. Именно сей факт Палач и попытался продемонстрировать.

Невнятная фраза, судя по всему, послужила активатором заранее подготовленного заклятия, и в мою сторону полетела развернутая по площади сеть. Отмечу, что сеть не простая, а сотканная из энергии и способная разрезать не хуже лазерных лучей. Я сам не смог бы отразить этот удар, но сейчас мое сознание было слито в единое целое с Тенью, а значит, я-он великолепно знали повадки подобного оружия.

Останавливать грубой силой несущуюся на тебя лавину? Грубо и требует больших усилий. Отклонить ее в сторону намного легче, но можно еще и обратить чужую силу себе на

пользу. Силы на это требуется ничтожно мало, нужен только большой опыт и доскональное знание того, как именно устроено направленное против тебя заклятие.

Готово. Вектор движения, заданный изначально, сменяется на противоположный, а заодно меняется и сама энергетическая составляющая. Со злорадным удовлетворением наблюдаю за разгорающимся в глазах церковника страхом при виде того, как против него повернули собственное оружие. Он лихорадочно пытается сплести новый слой защитных чар, но уже поздно. Сеть добралась до него, безжалостно вбив обратно в глотку зарождающийся вопль от невыразимой боли. Острейшие нити режут как самого церковника, так и придавившую его каменную статую, оставляя невредимой лишь голову. Не знаю зачем, но я-Тень считает, что она еще ой как пригодится.

Глава 8. Второй виток спирали

Иногда и примитивнейшая арифметика может доставить несколько приятных мгновений. Не верите? Шесть минус один равно пять, то есть шестерка врагов подсократилась в количестве на одну штуку. Причем уничтоженный экземпляр был очень значим для оставшихся, без его знаний ритуальной магии им конкретно поплохее. Я приблизился к мелко нарубленному мясу, в которое превратился любитель жертвоприношений после тесного знакомства с собственным боевым заклатьем, и подобрал единственный сохранившийся фрагмент святоши – голову.

– Бедный Йорик! Я знал его... Тень, на хрен нам нужна его башка, или ты решил собрать коллекцию черепов? Так с ней ничего не случится, красть такое сокровище никто не будет. Да и нет здесь никого, кроме остатков монасей.

Только я собрался выбросить этот бесполезный трофей куда подальше, как меня остановило возмущенное брюзжание Тени:

– Шило у тебя в одном месте, друг мой чрезмерно торопливый. Вечно торопишься избавиться от ненужных на твой взгляд вещей, вместо того, чтобы как следует подумать о предстоящих действиях. Вот скажи мне на милость, каким образом твоя героическая персона собирается взламывать защиту, которой оставшиеся члены Ордена окружи-

ли зал, в котором засели? Кстати, это нужно сделать быстро, а то эти экспериментаторы все-таки нашли возможность взломать барьеры ирреальности. Прорвутся обратно в привычный мир и разбегутся кто куда, лови их потом...

Ловить их действительно неохота, особенно учитывая тот факт, что мир большой и укромных мест в нем достаточно. А счета у меня к ним серьезные. До такой степени, что расплатой по ним может послужить лишь смерть должников. И похоже, не только у меня, но и у Тени... Вот только никак не могу понять, как он собирается взламывать защиту с помощью отрубленной головы? Разве что использует в качестве тарана крепкую лобную кость покойного иерарха Ордена.

– Так что посоветуешь с этой радостью патологоанатома делать? – трагически спросил я, подкидывая башку святоши к потолку и вновь ловя ее. – Если ты хотел зомби сварганить, то для этого материала маловато будет.

– Эй, не порть инвентарь, а то он совсем товарный вид потеряет! Лучше возьми-ка свою бритву, как самый остро заточенный из имеющихся у тебя ножей, да поработай в качестве пластического хирурга. – Видимо, на моем лице отразилось нешуточное недоумение, поскольку Тень сразу же добавил: – Аккуратненько так сними с его черепа шкурку, только лицо не повреди. Излишне сооружать зомби, он толком разговаривать не может, да и потом все равно тебе придется идти рядом с ним. Засекут. Тебя они помнят, будь уверен! Лучше уж по моему варианту, сам оценишь.

Хм, ничего себе пироги с кактусами! Ежику понятно, что мне предлагается нацепить на себя чужое лицо в качестве маски. Судя по спокойному, абсолютно будничному тону Тени, ему эта процедура знакома до мельчайших подробностей.

Интересно, кем же он был раньше, до того как стал духом непонятного вида? Погрузившись в размышления по столь интригующему вопросу, я и не заметил, как мясницко-хирургическая работа подошла к логическому завершению. У меня в руках аморфной массой свисало то, что раньше было лицом одного из иерархов Ордена.

Признаюсь честно, не самое приятное ощущение – держать в руке эту окровавленную горячую маску. Такое тепло не согревает. Напротив, уже через минуту ты чувствуешь промозглый холод, пробирающий до костей. Передернувшись от нахлынувшей эмоциональной волны, я раздраженно отфутболил отход производства, то есть окровавленный череп, в угол комнаты, поближе к другим телам. Пора было надевать маску, но я никак не мог решиться... Наверняка было бы легче прикрыть глаза, когда я стану примерять на себя чужое лицо, но не привык я отворачиваться от реальности, сколь бы шокирующей и неприятной она ни была.

Прикосновение мертвой плоти, еще совсем недавно бывшей неотъемлемой частью другого человека и должной стать частью меня, пусть и на недолгое время – таких ощущений можно пожелать только злейшим вратам. Повину-

ясь странной, непонятно-противоестественной магии Тени, мертвая кожа словно тысячами рыболовных крючков вцепилась в мое лицо, сливаясь с ним в одно целое, приобретая живой вид. Теперь этот «протез лица» уже не доставлял никаких неудобств, за исключением чисто психологических, которые вполне можно было перетерпеть. Хочется верить, что сниму я его с такой же легкостью, как и надел.

– Тень, а снимается этот карнавальный антураж без проблем? – задал я столь мучающий меня вопрос.

– Конечно. Это же не истинное лицо, а простая маска, усовершенствованный театральный грим. А насчет неприятных ощущений не беспокойся, в первый раз это обычное явление. Потом даже привыкнешь, будешь находить в этой процедуре некоторые приятные моменты, раза эдак с десяти, – поделился мой приятель собственным опытом. – Да и твоя собственная физиономия станет более пластична, так что некоторые, не столь уж значительные изменения, ты сможешь осуществлять и без использования вспомогательного материала. Уж я знаю, что и как...

Почему-то я ему верю. Таким личностям, как Тень, во все не требуется бить себя ногой в грудь и доказывать свою неимоверную крутость. Те, кто делает это, в девяносто девяти случаях из ста жалкие позеры, пытающиеся за потоками брехни скрыть многочисленные комплексы, в том числе и неполноценности.

Так, например, умеющий профессионально убивать нико-

гда не будет кричать об этом на всех углях. К чему? И дело здесь даже не в пресловутом законе, а в нежелании профессионала лишний раз светить себя на людях. *Sapiente sat...* Знающий поймет и так, а остальным вовсе необязательно быть в курсе.

* * *

– И куда сейчас? В зал, где греют свои ожиревшие задницы оставшиеся члены Ордена? – было высказано мной предположение относительно дальнейших действий.

– Именно туда, других вариантов не прослеживается. Впрочем, ты можешь и бросить это дело. Обещаю вывести тебя в привычный мир немедленно, но тогда достать наших врагов будет на порядок сложнее.

Ага, прям шаз! Нет ничего хуже, чем брошенная на полпути цель. Говорить что-либо было излишним, Тень и так почувствовал мое желание идти до конца. Как я понял, ни малейших возражений на сей счет у него не возникло.

К тому же я никогда не прощаю оскорбивших меня, а есть ли большее оскорбление, чем убийство одного из тех, кого ты считаешь своими. Окружающий нас мир временами сложен, но иногда и прост почти до примитива. Особенно это верно в случае отношения к людям, его населяющим. По моему субъективному мнению, впрочем, весьма логичному, окружающие нас люди делятся на три неравные категории:

– близкие нам люди, то есть друзья и родные. Таких очень и очень мало, но тем они нам дороже и ценнее. Их человек должен любить и защищать изо всех сил, используя все методы и средства;

– недоброжелатели и откровенные враги. Этих, к сожалению, значительно больше;

– остальные, то есть те, на которых вам плевать с высоты Останкинской телебашни, абсолютно посторонние вам люди. Самое лучшее – вежливый нейтралитет с использованием минимальных этических норм. Впрочем, некоторые из этой категории со временем переходят в первую категорию (реже) или во вторую (намного чаще).

Я уже было направился к выходу из комнаты, как вспомнил еще один интересующий меня аспект. Точнее, не один, а два.

– Слушай, у меня к тебе еще парочка вопросов. Во-первых, ты не рассказал о настоятеле и еще одном руководителе Ордена, но это не столь важно. Гораздо более интересно то, кем ты был до своей смерти... – несколько замямвшись, я постарался сформулировать несколько точнее. – Ну не то чтобы ты полностью мертв, но твое нынешнее состояние нельзя назвать и жизнью, не так ли?

– Кем я был раньше? Не знаю, скажет ли тебе что-нибудь мое имя, а вернее, прозвище. Безликий...

Я аж присвистнул от изумления. Один из самых загадочных оккультистов, о котором многие слышали, но мало кто

видел, и никто не мог сказать, что знает его. Исчезнувший десять лет назад при невыясненных обстоятельствах где-то в этих местах и с тех пор не подававший никаких признаков существования. Непримируемый враг церковников, их самый страшный ночной кошмар. Как же такое могло случиться? Маг такого уровня, попавшийся в лапы Ордена – в такое с трудом верилось.

С той части моего сознания, где временно поселился Тень, а вернее, Безликий, словно сдернули пыльный занавес. Обрушившийся на меня поток чужих воспоминаний и эмоций захлестывал подобно океанской волне, сметающей с доски неосторожного серфингиста. Пробираясь через массу ненужных сейчас фактов и фактиков, я все же нашел воспоминания о последних часах его жизни в прежнем состоянии.

Пропавшая ученица, единственный, пожалуй, человек, к которому он испытывал подобие любви. Засада в собственном доме, истинной сути которой он так и не понял, ослепленный жаждой мести. Отчаянный прорыв в монастырь, логово своих смертельных врагов, в призрачной надежде успеть... И ловушка, почти совершенная в своей простоте и эффективности.

Я словно сам ощущал ту горечь поражения и всепоглощающую ненависть, что испытывал Безликий, когда понял безвыходность своего положения. Ему оставалось лишь попытаться забрать с собой побольше врагов в качестве почетно-

го сопровождения, но он все же сумел сохранить часть себя. Прибежищем для его разума стали сами стены монастыря. Это было десять лет назад, и все это время Безликий жил лишь мыслью о мщении всем тем, кто почти уничтожил его. Можно было лишь склонить голову перед столь сильным характером, примером, достойным подражания для всех тех, кто идет по трудным и извилистым путям тьмы.

* * *

Теперь у меня не оставалось никаких вопросов, ответы на них лежали в памяти Безликого, отныне доступной, подобно открытой книге. Настоятель... Об этом человеке, вот уже два десятилетия стоящем во главе Ордена, многое можно было сказать. Наделенный недюжинными способностями к магии, он с детства был замечен церковниками. Сначала влияние на него было тихим и незаметным, направленным лишь на то, чтобы он избрал своим жизненным путем служение их богу. Добившись этой промежуточной цели, орденцы на протяжении многих лет воспитывали его вместе с группой ему подобных в четком соответствии с духом истинного последователя своей веры.

Уничтожай всех подозрительных, лучше покарать сто невинных, чем упустить одного виновного. Не думай о жертвах – бог сам разберет, кто прав, кто виноват... Потом, на небе. Любой человек, знающий оккультные науки, должен

либо служить нам, либо умереть. Бог превыше всего, что было тебе дорого, отдай ему все, включая душу. И так далее и тому подобное. Из подобных церковных лавочек с завидным постоянством выходили партии «надсмотрщиков божьих», призванных наблюдать за «агнцами божьими». Та цепь, что держала их в повиновении, была несколько длиннее, чем у обычной паствы. Самым близким аналогом из жизненных ситуаций являлась, пожалуй, плантация с использованием рабского труда.

Да-да, и даже не пытайтесь возражать тому, что может быть доказано с помощью логики. Один великий философ говорил: «Никогда не пытайтесь уничтожить человека либо идею с помощью клеветы. Слишком рискованное это занятие, вас могут вывести на чистую воду, тем самым разрушив планы и подорвав репутацию. Достаточно сказать правду – самое страшное психологическое оружие. Правдивые сведения, сказанные в нужное время, в нужном месте и нужным человеком будут на порядок эффективнее любой, пусть даже правдоподобной лжи».

Вернемся, однако, к нашим баранам, то есть рабам. Работают они себе на плантации и работают, принося пользу хозяину. Но, как известно, труд раба наиболее эффективен, если это инициативный раб, к тому же не осознающий собственного рабского положения. Поверьте, воспитать такого раба – довольно простая задача. Дайте ему далекую заоблачную мечту, вроде той, что после смерти его ждет неизмери-

мо лучшая жизнь, где «последние станут первыми», где нет ничьей власти, кроме божьей, и тому подобные клише, столь хорошо дурманившие неподготовленные мозги. Но этого все же недостаточно...

Рано или поздно найдутся такие, кто не захочет жить по заранее установленным правилам, да еще попытается увлечь за собой остальных. Для этого и требуются те самые надсмотрщики за паствой, которые будут выявлять и показательно казнить пожелавших освободиться от навязанных догм. А ведь по своей сути надсмотрщики те же рабы, только отмеченные снисходительным вниманием хозяев: «Служи нам верно, а мы тебе кость с барского стола бросим». Нет более жестокого и ревностного надсмотрщика, чем бывший раб, и служить он будет истово, боясь потерять столь теплое и сытное местечко.

Вот такая аллегорическая интерпретация самих церковников, их паствы и тех, кто стоит на вершине пирамиды, наблюдая с заоблачных высей. А Орден... Один из многочисленных винтиков в огромной и сложной машине, и не более того. Да ну их, пошли бы они в далекое пешее эротическое путешествие, даже думать об этом противно... Моя цель — просто уничтожить всех тех, кто находится здесь за все то, что они совершили. Просто и ясно, а философствовать и рассуждать «на тему» буду потом, если, конечно, выживу.

Я остановился в десятке шагов от двери в зал, где и располагались оставшиеся орденцы. Вот так эдак! Уж этого типа я здесь увидеть не ожидал, что тут говорить. Прямо около двери с максимально возможным в данном месте комфортом расположился мой старый знакомый Марк. Он был поглощен чрезвычайно важным, по его мнению, занятием – деловито обгрызал хладное тело какого-то типа в расе.

– Достойный привратник для тех, кто сейчас находится внутри, – расхохотался Безликий. – Пусть даже они и не заказывали подобного сторожа, все равно получилось неплохо. Пожирающий тела на входе в укывище пожирателей душ. Что будешь с ним делать?

– А ничего. Это простые люди, пусть даже и владеющие оккультными знаниями, могут обмануться той маской, что скрывает сейчас мое лицо. Такие же, как он, увидят истинный облик через любую маскировку. Я просто открою дверь и войду, а следом войдет и этот любитель пожрать. Пусть сослужит мне еще одну службу, отвлекая на себя некоторую часть находящихся в этом зале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.